

*Чем меньше войска, тем больше
храбрых.*

А.В. Суворов

*Высшей формой милосердия на
войне является жестокость.*

Мольтке

Эта история не придумана автором¹.

И та доля художественного вымысла, продиктованная необходимостью жанра, нисколько не уменьшает страданий реально существовавших людей в реальных обстоятельствах.

И эту книгу я написал только потому, что не нашел ни на плитах братских могил от Юхнова до Подольска, ни в архивных наградных списках отличившихся, ни в приказе о присвоении первого офицерского звания имен тех, кто остался в живых.

¹ Первая публикация: ПОЗДНИЙ ЛИСТОПАД. Главы из романа (1–5). Сб. Калужские рубежи. — Калуга, Золотая аллея, 2003. Затем: журнал «Москва», № 5, 6, 7. 2008.

Глава первая

ПРИКАЗ № 257

Рота курсантов пехотно-пулеметного училища, усиленная сводным дивизионом артиллерийского училища, вечером 5 октября 1941 г. на грузовиках, спешно собранных по всему Подольску, перебрасывалась на запад от Москвы.

Их подняли по тревоге, отменив воскресные увольнения и встречи с родными. В пехотном училище подняли 6-ю роту. В артиллерийском из добровольцев и наиболее опытных офицеров сформировали сводный усиленный дивизион. Все это невеликое воинство, вооруженное винтовками, несколькими пулеметами, а также 45-мм и 76-мм орудиями, и составило передовой отряд подольских училищ. В событиях, которые впоследствии войдут в историю Второй мировой войны под названием «Битва за Москву», передовому отряду отводилась особая роль: эти 250 человек становились боевым охранением курсантских батальонов, которые через день-два тоже будут выдвинуты вперед, в окопы Можайской линии обороны в район Малоярославца.

Колонну возглавляла неуклюжая бронемашина, оснащенная пулеметом. В броневике рядом с водителем сидел старший лейтенант Мамчич¹, командир 6-й

¹ Мамчич Леонтий Акимович — старший лейтенант РККА, командир 6-й роты Подольского пехотно-пулеметного училища. Возглавлял колонну передового отряда и фактически командовал курсантской группой сводного отряда на реке Извери в районе деревни Воронки. Ранен и контужен. За геро-

роты, назначенный командиром передового отряда. Никто пока не знал, что произошло в 150 километрах от Москвы в районе Юхнова и Мосальска. Точных разведанных не было. Вернее, точным данным разведки в штабах попросту отказывались верить, потому что они были катастрофически неправдоподобными и означали буквально следующее: немцы прорвали линию обороны Центрального и Резервного фронтов и форсированным маршем движутся к Москве, уже не встречая на своем пути никаких войск, способных остановить их, а это значит, что через сутки-другие авангарды моторизованных колонн фон Бока ворвутся в столицу.

Не знал, что там, впереди, ждет его роту и его самого, и старший лейтенант Мамчич. Один из офицеров сказал ему перед отправкой: «Говорят, фронт прорван на всю глубину. Наши бегут. Похоже, боеспособных войск там уже нет. Так что, Леонтий Акимович, вы, надеюсь, понимаете, куда вас направляют...»

То, куда их направляют, Мамчич знал. Во всяком случае, географически. Сочувствующий тон сослуживца его покоробил, но одновременно и насторожил.

Теперь он точно знал свою задачу и то, что его 6-я рота выполнит ее. Выполнит или умрет. Он знал, почему их так спешно выдвигают и ради чего предстоит умереть. Не сегодня завтра сводный полк двух училищ, пехотно-пулеметного и артиллерийского, три тысячи курсантов и преподавателей, займет позиции Малоярославецкого укрепрайона, примыкающего к Можайскому УРу. А пока левый фланг линии укреплений был пуст. Никаких войск там не было и быть не могло. Все дивизии и отдельные части ушли к Рославлю и Вязьме. Что там с ними произошло, никто пока сказать не мог.

Не оказалось в это время никаких войск и в самой Москве. Случилось так, что в те дни Ставка располагала

изм и мужество, проявленные в октябрьских боях, награжден орденом Красной Звезды.

только одним боеспособным резервом — подольскими курсантами.

Но и этого старший лейтенант Мамчич не знал, хотя офицеры и преподаватели осторожно, в узком кругу, поговаривали именно о том, что, если случится наихудшее и фронты, слишком плотно придвинутые друг к другу, рухнут, Москву закрывать будет уже нечем и некем. Кроме них. Они на Варшавском шоссе — последние.

И вот подняли их, курсантов и преподавателей. Значит, произошло то, чего опасались больше всего.

Не знал старший лейтенант и надежности артиллеристов. Только однажды удалось посмотреть, как они, их соседи, действуют в поле. Дело было на полигоне. Артиллеристы стреляли по макетам танков. Стреляли хорошо, точно. Но там будут настоящие танки, которые тоже стреляют снарядами. Говорят, в немецких танках очень точные прицелы, а экипажи имеют большой боевой опыт. Одно дело пулять по фанерным макетам на знакомом полигоне, другое — в бою. Каких стрелков придали его роте сейчас, он тоже не знал.

Старший лейтенант знал только свою 6-ю роту. Надежность командиров взводов, сержантов и курсантов.

Хорошо, что загрузили много ручных гранат, подумал он с некоторым удовлетворением. Но черт бы их подрал, этих хозяйственников, нигде не смогли найти для их роты хотя бы старенькую, хотя бы какую-нибудь списанную, без колес, походную кухню. Артиллеристы тоже прибыли без котла, с сухпайком. И вдруг старшего лейтенанта стегнула запоздалая догадка: если не дали кухню, значит, это их выдвижение вперед попросту обречено и в выполнение ими приказа остановить немцев на шоссе не верят даже те, кто отдавал этот приказ. Вот и пожалели походную кухню, чтобы не пропала зря... Перед глазами старшего лейтенанта всплыло непроницаемое лицо майора Романова¹. Сколько им предстоит

¹ Майор С.А. Романов на момент выдвижения сводного передового курсантского отряда в район Мятлева, Воронков и реки Изверы исполнял должность начальника Подольского пехотно-

держаться там, на шоссе? Сутки? Двое? Что ж, и на двое суток сухой паек растянуть можно. Приказ о сроках прозвучал расплывчато и невнятно: остановить немецкую колонну и держаться... Значит, главное — остановить. Видимо, по расчетам командования, *остановить* означает наивысшую степень возможностей его роты, пусть даже усиленной артиллеристами.

Старший лейтенант Мамчич понял и другое: этими своими мыслями, догадками и предположениями, насколько бы близкими к истине они ни могли оказаться, делиться ни с кем нельзя. Ни в коем случае.

В полночь голова колонны втянулась в Малоярославец и остановилась. Старший лейтенант Мамчич выскочил из бронемшины и, разбрасывая длинные полы офицерской шинели и поблескивая высокими голенищами тщательно начищенных сапог, побежал вдоль вереницы грузовиков. Водители некоторых машин были из гражданских, мобилизованных в минувшую ночь, но порядок движения в колонне знали и сразу же подчинились общей дисциплине. И теперь, пробегая мимо машин, старший лейтенант с удовлетворением отметил, что пока все идет так, как надо.

Из темноты, которая, казалось, навалилась на окрестность еще тяжелее, когда машины выключили свет и заглушили двигатели, навстречу командиру роты вышли несколько человек. Скользнул узкий луч карманного фонарика, облизал полы кожаного реглана, пыльную обочину шоссе. И сержант Воронцов, сидевший в ближайшем грузовике, услышал краткий и четкий, как на плацу, когда появлялся вдруг начальник училища, доклад ротного. Он сразу понял, что человек в кожаном реглане и стоявшие рядом с ним какие-то большие начальники, что они давно ждали прибытия их колонны и что

пулеметного училища. Впоследствии он будет командовать 2-м курсантским батальоном Ильинского рубежа обороны. Под его командованием 2-й батальон отличится во время отражения атак немецких танков и пехоты 13 октября 1941 г.

именно от них сейчас зависит судьба и 6-й роты, и артиллеристов.

— Обстановка крайне напряженная. Учтите — крайне напряженная, — говорил незнакомый дребезжащий усталый голос, совершенно не похожий на командирский, видимо, «кожаный реглан». — Вам, наверное, еще в Подольске сказали, что немцы уже в Юхнове. В районе населенного пункта Палатки они приступили к наведению понтонного моста и, возможно, уже переправляются на левый берег Угры. В составе колонны, которая остановилась в Юхнове и окрестностях, танки и артиллерия. Впереди идут саперные части. Мотоциклисты. Ваша задача несколько изменилась и в настоящее время такова: следуйте по шоссе до реки Изверь... Давайте уточним по карте. Это километров... Там группа Старчака... Ждут... Предупреждены. Держатся.

— Кто еще впереди нас? Какие войска? — спросил ротный.

— Войска... — голос в темноте стал резче, раздраженнее. — Какие, к черту, войска! Вы, старший лейтенант, и есть все наши войска! Последний резерв...

— Ясно, — тихо, подавленным голосом ответил Мамчич.

И на какое-то время там, в темноте, наступила тишина.

— Так что впереди, кроме Старчака и его людей, на настоящее время, видимо, никого уже не осталось, — теперь «кожаный реглан» говорил уже спокойнее. — Была еще одна группа. Возглавлял ее полковой комиссар Жабенко. Она почти полностью погибла. Остатки прибились к Старчаку. У Старчака около двух или трех рот. С ним ребята из Юхновского истребительного отряда. Комсомольцы. Люди все храбрые, но плохо обученные, опыта боев не имеет практически никто. Кроме, повторяю, людей Старчака. У него пограничники, десантники. Ребята боевые, но обучены другой работе. В тактическом бою, в полевых условиях могут дрогнуть и позиций не удержать. Их там человек триста.

— Да, негусто.

— Негусто, старший лейтенант. Потому на ваших молодцов вся надежда. Постарайтесь продержаться. Три дня. Хотя бы три дня.

Значит, три дня. Уже три. Мамчич почувствовал, как холодом, словно изморозью, прокололо шинель на спине. Значит, сухой паек придется растягивать. И с боеприпасами решить. Чтобы подбросили сегодня же.

— Да, вот еще что, товарищ Мамчич, — ткнул в темноту пальцем «кожаный реглан», — по дороге и вдоль шоссе движутся группы выходящих из окружения наших бойцов. Постарайтесь не вступать с ними в контакт.

— А почему Старчак не переподчиняет их себе?

«Кожаный реглан» ответил не сразу.

— Кого там переподчинять? Увидите. Идут в мокрых штанах. Без винтовок. Где побросали, не помнят. Драп. Это, старший лейтенант, драп. Думаю, скоро сами увидите и все поймете. К тому же под видом наших бойцов могут просачиваться одиночки и целые группы диверсантов. Действуют нагло и дерзко. Хорошо владеют русским языком. Будьте начеку. Всех выходящих, повторяю, препровожайте в тыл, на сборный пункт.

— Где ближайший сборный пункт?

— В Медыни. Был в Медыни. Где сейчас, не могу сказать. Да это и не ваше дело. Гоните в тыл, пусть идут вдоль шоссе, на восток. А здесь уже ими займутся соответствующие службы. Так что давай, старший лейтенант, поторапливайся. Десантники держатся из последних сил. Берегите орудия. Людей, пополнение, еще пришлем. Боеприпасы тоже. Сегодня же подбросим, сколько сможем. А орудий больше не будет. И людей тоже постарайся сберечь, старший лейтенант. Знай, что в бой поведешь не просто курсантов, а завтрашних офицеров и политработников. Они еще понадобятся Красной армии.

Мамчич козырнул, в темноте сверкнула его бледная ладонь. Но «кожаный реглан» его задержал еще на минуту:

— Связь с группой Старчака ненадежная. Сведения поступали и поступают самые противоречивые. То они там, то там. Возможно, пока вы в пути, там, на Извери,

могли произойти или еще могут произойти серьезные изменения. Но днем он прочно держался на Извери. Просил подкрепления. Так что поторапливайтесь. Вперед вышлите боевое охранение.

— Слушаюсь.

Снова взвыли моторы, заскрежетали коробки передач, захлопали дверцы. Приглушенный, крадущийся свет фар. Приглушенные голоса. Слова редкие, отчетливые — о самом главном. Кругом темень, непроглядная, густая, так что силишься что-нибудь разглядеть, а ничего не выходит, глаза будто детгем замазаны. От напряжения сдавливает лоб и пересыхает в горле. Тьма крошечная. И только впереди, на западе и севернее, в стороне от шоссе, полыхали резкие тусклые зарницы и зловеще трепетали над неподвижным, испуганным лесом. Там погромыхивало, будто по полю катали огромные валуны, которые иногда сталкивались, с треском и гулом крошили и раскалывали друг друга, при этом порождая сполохи огня.

Воронцов приподнял край брезентового тента и смотрел в поле, стараясь приучить глаза к темноте и пространству. Яркие спокойные звезды стояли над землей, обещая на завтра ясное утро и погожий день. Все эти дни волгая, промозгая хмарь придавливала землю, наскакивал мелкий дождь, подгоняемый ветром. Потускнели деревья, еще не сбросившие остатки своих обносившихся разноцветных одежд. Почернели штакетники и крыши домов. Глухие заборы пригорода стали походить на угрюмые неприступные крепости. И, видимо, уютно, спокойно было жить за этими крепостями, куда, казалось, ни ветер не задувал, ни дождь забредать не осмеливался, ни плохие вести не приходили. Осень погружалась в свою заповедную глубину, в глушь, за которой уже не могло быть ничего, кроме тишины и оцепенения в ожидании снега. Так старая, добросовестно отработавшая свое последнее лето, брошенная лодка медленно погружается в воду, будто вращая в нее обреченными бортами и кормой. А вчера вдруг потеплело, подобрало капли с проводов и придорожных ку-

стов, высушило крыши. Воронцов любил эту пору. Весна в его родном краю была, конечно же, ярче, радостней, звонче. Но ему больше нравилась осень. Ранняя, когда еще не очень холодно. Вот такая, как теперь. Когда уже понятно, что лето прошло, но настоящие холода еще за морями, за лесами, за синими долами, и после школы можно успеть сходить в лес.

В лес... После школы... День хоть и короче летнего, но все еще велик.

Когда это было? И было ли когда?..

В Подлесном, в его родном селе, в это время всегда перепаживали огороды, жгли картофельную ботву, так что дымом заволакивало всю округу и кострами пахло даже в домах. В золе, в рыхлой, шуршащей лаве прогоревших костров пекли картошку. Любимая осенняя детская забава. Потом разламывали обугленные коконы кожуры и ели белую крупяную мякоть, задыхаясь от горячего, пахучего, необыкновенно вкусного аромата. Каждый из них съедал за вечер и пять, и десять картофеля, и, казалось, наестся было невозможно. Нежным густым изумрудом зеленела отава на облогах и вдоль стежек. Хотелось козлом припустить по облоге, а потом упасть и лежать в мягкой зелени. Проселочные дороги в полях, которые убегали из Подлесного на три стороны и исчезали, истончаясь на горизонте в прозрачные невидимые паутинки, к этой поре уже теряли летнюю белизну. Выбеливал их зной и тележные колеса. Дожди и обильные росы делали их черными, и они уже не пылили ни под копытами, ни под колесами, ни под ногами пешеходов и не утомляли так, как утомляет дальняя дорога в летний полдень. Дед Евсей вставлял вторые рамы. Сестры мыли стекла содой, протирали насухо, подавали деду, а потом конопатили щели тонкой, как шелк, как их светло-русые волосы, паклей, заклеивали пазы лентами, нарезанными из старых газет. Уже начинали через вечер подтапливать вторую печь в белой горнице. А он на ранках или после школы ходил с ребятами в лес за волнушками и подореховками. Переходили через Ветьму по шатким ольховым кла-

дям, углублялись в сосенник, а там уже не торопились, потому что волнушки, грузди и подорешовки росли повсюду и их хватало на всю ватагу. Воронцову особенно нравилось собирать волнушки. Они и солеными были хороши. Зимой, с вареной картошкой... А в сосеннике розовые и белые их шляпки, обметанные скользкими сопливыми волосками, тут и там высывались из моха, из осыпи сосновых иголок, хрустели под ногами, стоило лишь сделать неверный шаг. Теперь там тоже, видимо, траншеи... Всюду нарыли... Старшая из сестер, Варя, месяц назад, когда письма из дома все еще приходили, писала: в Подлесное и окрестные деревни нагнали студентов из Москвы — копают противотанковые рвы. От Малоярославца, если по Варшавке, до березы, возле которой поворотка и где начинается проселок на райцентр, километров около 200. От той придорожной березы и поворотки до Подлесного всего-то ничего, километров, может, 30. Так что 230 или 250. От Подольска чуть больше. Но и Подольск, и Малоярославец уже остались позади. Впереди была река Изверь. От Извери — меньше. От Юхнова — совсем недалеко. Изверь... Где-то там они и должны остановиться. Остановиться и стоять.

Воронцов вздохнул. Мысли о родине и сестрах не успокоили его.

Яркие звезды обещали ведро. И вроде бы уже стало свежеть, подтягивать и подсушивать обочины дороги. Запахло дорогой. Тусклые снопы света от грузовика, идущего следом за их машиной, закручивало желтыми жгутами пыли.

Воронцов поднял голову, искал взглядом знакомое с детства созвездие. Стожары, словно присыпанные известкой мелких соседних звезд, неподвижно стояли на прежнем месте, окруженные вечностью и тишиной. Точно так же оно сияло и над его селом. Звезды, яркие и еще по-летнему теплые, качались над дорогой и незнакомой местностью, будто указывая им, брошенным в неизвестность, роковой путь. Но там, впереди, за километрами дороги, в толще ночной мглы, был и дом Воронцова. И ехать в сторону дома ему было не страшно.

Там было все знакомое, родное. И начало этому родному — старая береза возле шоссе, под которой он с ребятами не раз жег костер в ожидании попутки до Юхнова. От березы до Подлесного, до сосенника, где с ребятами в такую пору он собирал волнушки, добежать по такому холодку ничего не стоит. С закрытыми глазами добежал бы за пару-тройку часов...

Передовой отряд должен занять оборону на Извери. Так что до родных мест сержанта Воронцова колонна не дойдет. Не доедет их грузовик до той приметной его березы у шоссе. И приказа такого нет. И враг уже там, и к родному дому в Подлесное его, Саньку Воронцова, уже не пустит. Враг уже захватил его родину и считает завоеванной, а значит, своей. Но как это может быть? Как ему теперь жить без родины? Воронцов уже пробовал утешить себя мыслью о том, что родина — это гораздо больше, чем его село и его семья, что родина, как им постоянно внушали на политчасах в училище, это прежде всего столица государства, Москва. Теперь бы и ему легче было поверить, что так оно и есть, что правы отцы-командиры и их комсорг. Но именно теперь, когда Подлесное оказалось в оккупированной зоне, отказаться от своей родины — все равно что отказаться от родителей. Так что ничего, никакого утешения не получалось.

На Извери их ждет какой-то отряд, в который они должны влиться и образовать некую единую силу, способную выполнить поставленную командованием задачу. Так сказал «кожаный реглан» ротному. Туда, на запад, на Изверь, ехала их 6-я курсантская рота, сводный дивизион артиллерийского училища, командиры, товарищи, многих из которых он знал с самого первого дня в училище, еще с карантина. Они везли в грузовиках укутанные брезентом пулеметы, коробки и ящики с патронами, гранатами, минами и взрывчаткой, артиллерийскими зарядами и шанцевым инструментом. Тащили на передках орудия. И ехали они все же в сторону его дома, и каждый метр пути делал расстояние между их колонной и Подлесным все меньше и меньше. Они

ехали на войну, и с каждой минутой дорога до войны становилась короче.

Как быстро мы продвигаемся, с тоской и каким-то необычным возбуждением, какое он испытывал перед дракой, подумал Воронцов. Как быстро... Что там с мамой и сестрами? Успели ль они уйти? У деда больные ноги. Израненные, побитые осколками еще в Первую мировую, в Галиции. Может, и ушли. Хотя бы куда-нибудь в лес, где можно схорониться на время. Ведь прятались же люди в лесах от набегов половцев, монголов и поляков. Уходили в лес от французов. Лес спасал, давал кров и пропитание. Может, все же ушли. И увели с собою скот, корову Лысеню и овец. А мы эту ненавистную немчуру скоро отсюда выкинем. И будем гнать штыками до самой границы. И Воронцов нащупал рукоятку штык-ножа, висевшего на поясе, и крепко сжал ее, так что рука вспотела.

Колонна въехала в большое село. Воронцов успел ухватить взглядом дорожный указатель: «Ильинское». Потом разглядел часового на мосту и красноармейцев, копошившихся возле каких-то сооружений. Бойцы что-то копали. Видимо, окопы, решил он. Что сейчас могут копать бойцы?

— Сань, ну что там видно? — толкнул его в бок курсант Алёхин, все это время молча дремавший рядом.

— Какое-то Ильинское проезжаем. Большое село. Окопы копают.

— Окопы? Зачем тут окопы?

— Теперь их копают везде. Давай лучше поспим, — сказал Воронцов и опустил край брезента.

Небо сразу исчезло, пространство сузилось, и ближе, роднее стали товарищи, и Воронцов понял, что он сейчас часть их, сидевших ровными рядами по шесть человек и, быть может, думавших о том же, — часть этой колонны, часть 6-й роты, часть своей винтовки и того приказа, который днем был зачитан на плацу перед строем. Он был живой и, как ему казалось, бессмертной частью всего того, что сейчас двигалось в сторону

войны. И только потом, во вторую очередь, он ощущал себя частью Подлесного, своей семьи, носившей фамилию Воронцовых, и всего того, что звалось родиной.

— Уснешь тут, — буркнул Алёхин и вздохнул.

Всем было не по себе. Сегодня, когда после обеда их роту в полном составе выстроили на плацу и командир второго батальона майор Романов, исполняющий обязанности начальника училища, зачитал приказ срочно выдвинуться в район боевых действий, в первые минуты курсантов охватил какой-то жуткий восторг, как если бы им вдруг объявили, что отмененная накануне шефская встреча со студентками педучилища состоится уже сегодня вечером и необходимо только подшить свежие подворотнички и надрать поярче сапоги. Наконец-то! Они идут на передовую! На фронт! Бить врага! Уж они-то — не батальоны, наспех сформированные из профессуры, студентов и артистов московских театров, из печатников и бухгалтеров, никогда не державших в руках оружия и брошенных в бой необученными, с тремя старыми винтовками и обоймой патронов на отделение. Уж они-то дадут фашистам! Уж они-то им покажут, как по чужим землям ходить да на чужое добро зариться! Как разорять колхозы и жечь в полях хлеб! Как убивать ни в чем не повинных людей, детей и стариков! Воронцов вспомнил слова политрука Киселёва. Политрук говорил правду: фашисты не люди и их надо уничтожать, как бешеных собак.

Воронцов пододвинул ногой приклад своей новенькой «СВТ», от тряски винтовка все время сползала вперед, зажал ее между колен и прикрыл отяжелевшие веки. Как и все курсанты, умевшие мгновенно превращать минуты отдыха в сон, он тут же почувствовал, как тело его сразу расслабилось, его окутало теплой уютной истомой, а перед глазами поплыли, то ускоряя свой бег, то замедляя, уже иные, чем мгновение назад, картинки: пригорок на краю деревни, стежка за околицу, по стежке идет с ведром грибов, розовых волнушек и белых груздей, их ротный старшина... Ведро тоже знакомое, старенькая материна доенка с немного погнутыми

ушками. Что ж тут, в его родном селе, делает старшина? Воронцов догнал его, старшина повернулся и голосом отца спросил: «Что, Санька, страшно?» И тут подошел другой, тоже в шинели. «Иван! — закричал Воронцов. — Иван, ты дома? Почему ты дома, а не на фронте?!» Иван ничего не отвечал, он смотрел на Воронцова злобными глазами и вдруг схватил его за грудки и начал яростно трясти, что-то злобно бормоча.

— Ты что, Сань?

Чей это голос? Откуда он зовет?

Воронцов с трудом разлепил глаза. Ему вдруг показалось, что он падает куда-то под колеса и что кто-то, подпихивая его туда, пытается вырвать из рук винтовку. «Иван! Держись, братка!» — закричал он или, наверное, только хотел закричать.

— Ты что, сержант?! Смотри, перепугал всех! Черт!

Воронцова толкнули в спину и в бок, так что он спронеся едва не потерял равновесие и резко шатнулся в сторону, подхватывая падающую винтовку.

— Оставь его. Видать, приснилось что-нибудь. Бывает...

Отделение сразу проснулось, будто и не спало.

— Я что, кричал? — спросил Воронцов, чувствуя, как горько першит в пересохшем горле.

— Черт тебя побери, сержант, ты всех перепугал!

— Еще до фронта не доехали, а уже частично обосрались.

— А нечего и спать, если на войну собрались!

Воронцову вдруг вспомнилось, что снился брат. Брат и отец. Двое.

И отец Воронцова, и старший брат Иван, отслуживший действительную три года назад в кавалерии на Дальнем Востоке, были призваны еще в августе и воевали где-то здесь, на смоленском направлении, недалеко от дома, то ли под Вязьмой, то ли под Рославлем. От Ивана он получил несколько писем. Писал Иван и об отце. С отцом они воевали в одном взводе. Судя по названию речек, которые Иван упоминал в своих письмах, их дивизия какое-то время держала оборону где-то

левее Варшавского шоссе. Места те тоже уже под немцем. Значит, не удержали братка с отцом свои окопы, подумал Воронцов, и горло его снова перехватило. В одном из первых писем Иван сообщал, что в их роте почти все из Подлесного, Вязовни, Ключика и соседних деревень, что все воюют хорошо и что двоих уже ранило. Среди раненых кузнец дядя Павлик и колхозный счетовод Петр Иванович. Дядю Павлика ранило не особо сильно, а Петру Ивановичу оторвало ногу. И еще Иван писал, что полк их часто перебрасывают с места на место. «Только окопаемся, обживемся, пригреемся, соломы натаскаем, опять приказ — менять позицию, занимать оборону там-то...» Некоторые места из писем брата Воронцов помнил наизусть. От треуголок брата пахло войной. Однако многое в письмах было непонятно, не соответствовало его представлениям о войне, о противнике, о силе Красной армии, а многое просто противоречило тому, чему их так тщательно обучали и что внушали как неперемное их командиры, преподаватели и политработники. Мужики-то в Подлесном, Ключиках и Вязовне все бывалые, сокрушал себя Воронцов невеселыми думами, что ж они все отступают да отступают? И танков, и артиллерии в августе еще вон сколько к Рославлю ушло. Колонны день и ночь гудели, дорог не хватало. Какая ж сила там встала! И Санька Воронцов думал, что, отучившись в пехотном училище и получив лейтенантские кубари, он попадет именно туда, быть может, к своим же землякам, на Десну или Верхнюю Угру. Если, конечно, немца к тому времени не прогонят за Смоленск. А теперь вдруг выяснилось, что и Западный, и Резервный фронты прорваны, вся военная мощь Красной армии смята и опрокинута, наши дивизии бьются в окружении, а немецкие танки и мотоциклисты уже в Юхнове... И неизвестно, что с братом и отцом.

Тяжелый подсумок, плотно набитый обоймами с патронами, давил на живот. Воронцов хотел его поправить, сдвинуть немного правее, чтобы не мешал дышать, но сил не хватало, сон снова брал его в плен, вязал руки

и ноги, и вскоре он опять забылся, как всегда, всего на несколько минут.

Колонна вдруг остановилась. Водители, как по команде, выключили моторы и фары. Но гул не прекращался.

— Что это там, ребята? — испуганно, видно, спросонок вскрикнул кто-то из курсантов в глубине кузова.

— Что-то горит. Пожар! Это же пожар!!!

— Спокойно! — послышался твердый голос старшего лейтенанта Мамчича; ротный шел вдоль колонны, направляясь в хвост, к замыкающим машинам, которые тащили орудия, туда, в кромешную, багровую черноту, перемешанную с отблесками пожара. На ходу он выкрикивал: — Всем оставаться на местах! Сейчас двинемся дальше! Через полчаса будем на месте! Всем оставаться на местах!

— Медынь проезжаем! — крикнул кто-то из роты, пробегая мимо их грузовика в противоположную сторону.

— Медынь горит.

— А кто поджег?

— Кто поджег... Немец и поджег. Бомбежка...

Воронцов откинул потрепанный полог брезента, пахнущего соломой и ветром дорог, и выглянул наружу. У дороги на повороте стоял седой высокий старик в черном старопокройном кафтане, накинутом прямо поверх исподнего. Отблески пожаров, бушевавших, казалось, по всему городу, озаряли его костистое лицо с глубоко запавшими глазами и провалившимся ртом, трясущуюся, скрюченную ладонь, которую он косо, каким-то упорным, давно заученным движением вскидывал вверх и крестил ею остановившуюся колонну невесть откуда появившегося на этой опустевшей дороге войска. Потом он зашел вперед и теми же размашистыми, упругими движениями стал озарять дорогу, уходящую куда-то вниз, в овраг, в черную непролазную темень. Видимо, там, в той стороне, за тем оврагом, и была война, и старик знал это. Оттуда прилетели самолеты. Оттуда шли солдаты разбитых частей.

— Сань! Ребята! Смотрите, у деда четыре Георгия! — встрепенулся, как легко проснувшаяся птица, курсант Алёхин.

Кресты, неровным, спотыкающимся рядом выстроившиеся на впалой груди старика, отсвечивали все тем же кроваво-черным светом, которым было заполнено все вокруг и который, казалось, проникал внутрь, в самую душу, и сковывал курсантов каким-то неведомым и жутким ожиданием. Не все они, сидевшие в затихших грузовиках, сразу поняли, не все признались себе, что ведь это и есть страх. Страх. Давно обжитое и приспособленное к повседневной солдатской жизни чувство русского человека, по необходимости бравшего в руки оружие. Тот самый страх, который воевать не мешал, но жизнь зачастую спасал. Никто уже не спал. Но все подавленно молчали, видимо, стараясь пережить свое внезапное чувство в одиночку и молча. Даже весельчак Смирнов помалкивал.

Воронцов, уже знавший, как в такие минуты можно справиться с самим собой, пристально смотрел на старика, на вишнево поблескивающее на его груди боевое серебро и изо всех сил старался вспомнить деда Евсея и его слова, сказанные напоследок, уже за околицей, когда все, казалось, было уже сказано. Дед Евсей, шедший рядом с повозкой, передал ему вожжи, подоткнул клок сена, свесившийся над колесом, и заговорил торопливо и складно, будто старинную былинку прочитал по давно припасенной им грамотке: «Война-то с германцем будет нешутейная. Ты, Санька, ворочайся двóру целым и невредимым. Живой ворочайся, мальчик мой. Однако помни: голова на войне — дело наживное. Как только станешь ее за локоть да за товарища хоронить, тут ее пуля и сыщет. Не робей! Сробел — пропал. Хуже, как боишься: лиха не минуешь, а только надрожишься и товарищей смутишь. Страх будет. Куда от него денешься? Страх — зверина свирепая. И он завсегда по позициям рыскает, которого бы солдатика придавить да позабавиться им. Но знай: зверь тот не только тебя, а и неприятелей твоих давит. Придет к твоему окопу — так ты не

смигни, прямо в глаза ему и глянь. То-то и отпрянет. Назад не оглядывайся, смерть у солдата всегда за плечами. Оглядывайся на товарища. И товарища держись. Не бросай его, даже когда покажется, что край пришел и что одному спастись легче. Тогда и он тебя, мальчик мой, николи не бросит. Ну, Санька, твои батька с братом воюют, а теперя и твой черед пришел. Воронцовы ни от войны, ни от неприятелей на войне не бегали. Германец, он хороший солдат, напористый да продумной, старается то хитростью одолеть, то нахрапом. А наш брат, русский человек, все же тверже. И знай при том, что не ты его землю заступил, а он твою. О сестрах помни особо: ты за них идешь. А за сестру, коли так, и жизни не пожалей. Да командиров слухайся. Теперя тебе отец — командир, matka — родная земля. Она тебя и укроет, и обогреет, и оборонит от лиха. Она — твоя Богородица Заступница. А семья — товарищи. А как сам станешь командиром, солдата береги. Жалеть солдата не надобно — береги. Под пулю да на штык напрасно не суй. Тогда и он сам за тебя жизнь положит и ни пули, ни штыка не побоится. Поезжай же с Богом, мальчик мой».

Откуда-то из-за машины багровой тенью снова выскочил ротный, сверкнул голенищами высоких офицерских сапог, взглянул на курсантов, высунувшихся из-под брезента, на старика у обочины. И тоже заметил, что старикан-то непростой. Спросил, поглядывая то на худое его лицо, то на награды:

— Когда был налет, отец?

— Деточки мои, деточки... — шептал старик; он, казалось, не слышал слов, обращенных к нему, не видел даже подошедшего командира.

— Вы меня слышите? — громче сказал Мамчич.

— Деточки мои... — И голова старика задергалась еще сильнее.

— Налет! Когда налетели самолеты?

— Деточки...

Мамчич закурил, пряча в рукав шинели огонек папирсы, как будто здесь, в горящем городе, на который немецкие самолеты несколько часов назад выгрузили

сотни бомб, этот его жест предосторожности имел какое-то значение. Но на него смотрели курсанты 6-й роты, его учебной роты, и иначе он поступить не мог.

Когда папироса засветилась, когда ясным, живым мерцающим камешком засиял ее кончик, когда он затем исчез в рукаве шинели ротного и тут же разнесся запах табака, перебивая всякие другие запахи, в том числе и страха, Воронцова вдруг поразила эта отстраненность папиросы от всего происходящего вокруг, ее обыденное, крошечное свечение и такой же обыденный дым, пахнувший уютотом и старым дедовым зипуном. Папироса ротного не стала частью того ужаса, который час или два назад, когда они, быть может, только-только выезжали из Подольска, обрушился на этот явно невоенный городок. Она не стала частью войны. Вот почему он прячет ее в рукав, зачем-то подумал Воронцов. Точно так же светился огарочек и в руке деда Евсея, и в потемках шалаша, в углу, где устраивался на ночлег брат Иван после сенокоса или очередного похода к какой-нибудь молодке, и в желтых пальцах отца — но все это осталось там, в теперью уже другой жизни. И в это мгновение Воронцов вдруг понял, почему ротный так бережет, так охраняет огонек папиросы: ведь это его, Леонтия Акимовича Мамчича, душа мерцает, такая хрупкая и беззащитная, и она тоже трепещет, хоть и застегнута в командирскую шинель, как в броню. Но об этом надо молчать. Как молчал о том же сержант Санька Воронцов. Как молчали все курсанты и офицеры, вся 6-я рота.

Пожар гудел в глубине города, взрывывал иногда, будто зверея, — это обрушивались перекрытия в кирпичных домах, проваливались вовнутрь, в кипящую лаву огня.

Курсанты вслушивались в этот жадный рев, и им казалось, что самолеты не улетели, что они еще здесь, бомбят окраины города и вот-вот обнаружат и их затаявшуюся колонну.

— Какого черта мы здесь стоим, — слышалось в глубине кузова.

Проснулись все и напряженно вслушивались в клетот и рев пожаров, в крики людей, беспомощно метавшихся вокруг горящих зданий.

— Поскорее бы отправляли.

— Да, лучше бы поскорее туда.

— Начальству виднее.

Они, мечтавшие о войне и победах, как об очередной поездке на стрельбище, где все цели заведомо определены, привычны и будут точно поражены с первых же выстрелов, — они еще не знали, что уже через несколько часов окажутся в таком пекле, где выжившие вспомнят: эти минуты случайной остановки в горящей Медыни, эти последние минуты покоя и были теми счастливыми мгновениями тишины, тем прощальным даром последней благодати мира и покоя, которые судьба преподносит иногда идущим на смерть.

Мамчич, видимо, услышавший их разговор, заглянул под брезент и ничего не сказал. Бледные лица курсантов, озаренные багровыми отсветами, были обращены к нему. Он всех их знал. Любого мог назвать по фамилии, по званию. Но он молчал. Винтовки были зажаты между колен и тоже тускло поблескивали. На мгновение его взгляд задержался на лице Воронцова. Но и ему ротный не сказал ничего.

Мамчич не отходил от старика. Он продолжал торопливо курить.

— За что кресты, отец? — снова спросил он старика, уже не надеясь на ответ.

Пора было двигаться дальше. Мамчич посмотрел в голову колонны, где ждала его бронемашина с распахнутой дверцей, на старика с Георгиевскими крестами, на которых, как и на капотах грузовиков, играли вишневые с черными и бурыми разводами блики. Таким же вишневым, багрово-черным было и небо. Все теперь казалось выкрашенным, пропитанным одним цветом, только эти испуганно мерцающие отблески двигались, плясали вокруг.

Да, пора было двигаться. Вид пожара не прибавлял 6-й роте боевого духа.

И вдруг старик посмотрел на Мамчича. Трясущаяся рука его устало опала. Он поправил свой старопокройный, с глубокими сундучными складками кафтан.

— 409-й Новохоперский гренадерский полк! — совершенно твердым голосом выпалил старик, выпрямляя грудь и каменея развернутыми плечами и подбородком. — Последний крест получен за штыковую атаку под Равой-Русской! — и вскинул к виску бледную, как помятый лист бумаги, но еще сильную руку.

Мамчич рассеянно смотрел на старика. Он замешкался от неожиданности произошедшего, наполовину сглотнул какое-то случайное и неподходящее, как ему показалось, слово, которого, к счастью, никто не слышал, и теперь переминался с ноги на ногу и не знал, что делать дальше, как разойтись с георгиевским кавалером. Он знал, что на него смотрят курсанты и молча ждут, как их командир поступит дальше. Мамчич бросил, затоптал папиросу и обнял старика. Курсанты замерли. Каждому из них, наблюдавшему эту сцену, казалось, что не только их ротный командир, но и он сам обнимает старика. И каждый из них чувствовал в горле и на устах те слова, которые через мгновение и произнес старший лейтенант Мамчич.

— Прощай, отец. Сюда... — и он указал в сторону пожара. — Сюда мы постараемся их не пропустить.

— Деточки вы мои милыи-и... Деточки... — и старик снова затрясся всем своим ветхим телом, голос его западал, и бледная рука стала упруго вычерчивать в багровой влажной темноте косые и угловатые линии креста.

Мамчич поправил фуражку, машинально потрогал ремень и кобуру, козырнул, поклонился старцу, который, казалось, уже и не видел его, развернулся на каблучках и быстро зашагал к бронемашине.

Курсанты молчаливо и напряженно смотрели ему вслед.

Осталась позади горящая Медынь. Шоссе выползло из оврага и полого поворачивало на юго-запад. Впереди чернота, неизвестность.

— Стой, — приказал Мамчич водителю.

Через минуту из колонны вырuling грузовик с автоматчиками и ушел вперед. Нырнул в темень и мгновенно растаял, напоминая о своем существовании только удаляющимся рокотом мотора.

Спустя полчаса снова остановились. Заглушили моторы, выключили фары. Слушали ночь. Будто звери, ловили каждый звук, каждый запах, стараясь определить, где же передовая. Позади вставало, дрожало и снова опадало зарево горящей Медыни. Впереди тоже вспыхивали зарницы, громыхало и гудело. Похоже было на артиллерийскую канонаду. Фронт. Но где он? Где та линия, за которой в любой момент можно ожидать встречи с врагом? И существует ли она, та линия? Иногда канонада слышалась и справа, и слева. И казалось, что они уже миновали полосу обороны наших войск и теперь двинутся неведь куда, вслепую определяя свой путь. Но машина боевого охранения возвращалась, лейтенант из взвода разведки торопливо докладывал Мамчичу, и колонна снова двигалась дальше. До следующей остановки.

— Хотя бы поскорее прибыли на место.

— Где оно, то место?

— Да, братцы, хуже всего вот так: едешь, едешь, а там, куда едем, может, уже немцы...

— Хватит трепаться! — прикрикнул сержант Смирнов. — Вперед выслана разведка.

— Давай-ка, Смирнов, что-нибудь из своего репертуара! А то народ что-то приуныл. Ты нам недавно вроде про какую-то Машку вспоминал...

Сержант завозился, закрихтел. Сейчас что-нибудь вывезет, подумал Воронцов с каким-то внутренним удовлетворением и тут же усомнился: неужели Смирнов способен балагурить даже в такое неподходящее время? Ведь вот-вот подъедем к фронту. А там — неизвестно что.

А тем временем Смирнов театрально прокашлялся и, как с эстрады, продекламировал:

*Мария, увенчай мои желанья.
Моею будь — и на твоих устах
Я буду пить эдемские лобзанья.*

— А дальше? Дальше травы!

— Дальше... Она ему: «Богаты вы?» Он: «Нет, сам без состоянья».

— Во тварь какая! — воспользовавшись паузой Смирнова отметил курсант, сидевший рядом. — Он ей — про любовь, а она...

— Смирнов, дуй давай дальше.

— Дальше, ребята, только для женатых и разведенных. А у нас во взводе таковых не имеется, — и сержант Смирнов засмеялся, хлопнул по коленке сидевшего рядом курсанта; тот спросонья вскочил, ударился головой о металлическую дугу каркаса, поддерживавшего брезентовый тент, загремел винтовкой. — И здоров же ты спать, Денисенко!

— Слышь, Смирнов, — окликнули сержанта из глубины кузова, — а что такое эдемские лобзанья? Лобзанья — понятно. А вот эдемские...

— Эдем... — на мгновение задумался Смирнов, — это такая страна, где сбываются все твои желания.

— Все?! И насчет баб тоже?

— Да, и что касается прекрасных дам, тоже.

— А, понятно, это такая фантазия внутри человека.

— Ты прав, не каждому дано создать в себе этот удивительный мир.

— Э, нет, я люблю, чтобы — реально. А так... Фантазии... Это все равно что во сне приснится — красавица! Все при ней. И все вроде — как по маслу. А проснешься — и что? От всей реальности только и осталось, что подштанники липкие.

— Эх ты, дурень, не сообразил... — принялся наставлять опростоволосившегося курсанта сидевший рядом товарищ. — А я вот тебе подскажу. В другой раз перед тем, как проснуться, хватай ее за ногу, да покрепче, и держи! Держи и не отпускай! Вся как есть твоя будет!

— Ну?

— А вот тебе и ну! Попробуй!

Все сразу зашевелились. Засмеялись. Разом заговорили, перебивая друг друга и будя последних, кто проспал и остановку в Малоярославце, и пожар в Медыни, и старика с Георгиями, и весь этот ужас ночи, всасывающий их колонну в жуткую неизвестность, и начало беседы, которая разом захватила тех, кого события этой ночи особенно не придавили. Сержанта Смирнова любили слушать все. Добродушно усмехались и покачивали головами даже те, кого байки и прибаутки сержанта порою и коробили.

И тут под шумок всеобщего оживления кто-то хрустнул сухарем.

— Шта?! — подражая старшине, рывкнул помкомзвода старший сержант Гаврилов. Все это время он молча сидел справа от Воронцова, возле самого борта. Казалось, он глубоко дремал. — Сухпай жрать?! Еще до позиций не добрались! Убрать и без моего приказа к жратве не прикасаться! Сосунки! Засранцы! А в окопах что, солому жрать будете?

Гаврилов был из фронтовиков. Отступал от самого Белостока. Их кадровый полк несколько раз пытался организовать оборону, занимал позиции, контратаковал, встречным ударом опрокидывал авангарды и колонны наступавших немцев, но потом их неминуемо обходили справа и слева, сминали и отрезали тылы, рубили фланги, и снова приходилось вырываться из окружения, бросать технику, оставлять заслоны, в которые назначались самые лучшие, самые надежные и которые почти никогда потом не догоняли их. О судьбе их можно было только догадываться: либо погибали в непродолжительных и ожесточенных схватках, либо попадали в плен. Соседние части зачастую отходили при первом же обстреле или нажиме немцев. Никаких сведений о возможном взаимодействии от них не поступало. Делегаты, посылаемые туда, возвращались ни с чем и ничего толком пояснить о том, что же происходит вокруг, не могли. Ни управления, ни взаимодей-

ствия. Бардак. Паника. Драп. На переправе снаряд ударит, так народ уже по головам лезет, винтовки бросает.

— Толпились, как бараны в загоне, — сказал он однажды политруку Киселёву¹, когда тот в курилке спросил бывальца, почему они так долго отступали. — Парторг наш говорил, что, мол, мы его, немца, в глубину нашей земли заманиваем. До Рославля вон доманили. Теперь никак не остановим.

— Вы, товарищ старший сержант, курсантам об этом, надеюсь, ни-ни?..

Гаврилов в ответ усмехнулся:

— Я-то — ни-ни. Мое дело этих желторотых другому учить. Но скоро они и сами все узнают.

— Вот и пусть узнают эту правду там, на фронте. А тут, в училище... Это не будет способствовать укреплению их морального духа. Надеюсь, вы понимаете. И еще: никому больше об этом вообще не рассказывайте. Это — дружеский совет. Человек вы искренний, иногда излишне горячий. Курсанты вас любят, преподаватели уважают. Но среди тех и других могут быть разные люди. Понимаете? Здесь ведь не фронт...

Гаврилов снова усмехнулся.

Больше политрук ни о чем его не расспрашивал. А жаль. Рассказать-то ему было что. Только рассказов этих политрук Киселёв, видимо, и сам побаивался.

Под Минском, в очередной раз выходя из окружения, Гаврилов возглавил группу прорыва. Все офицеры были убиты. А он добрался до штабной землянки, развороченной прямым попаданием снаряда, отыскал среди тел раненого комбата и вынес его. Волок на себе километров 20. Ничего, вынес живого. За что и имел медаль «За отвагу». Во время прорыва сам был ранен и контужен. После госпиталя попал в запасной полк. В запасном полку ему не понравилось. Плохо кормили. На кухне

¹ Киселёв Я. П. — комиссар сводного передового отряда подольских курсантов. За героизм и мужество, проявленные им в октябрьских боях на подступах к Москве, награжден орденом Красного Знамени. Прошел всю войну.

повальное воровство. Завшивели. Вдобавок ко всему ночью в казарме у него сперли сапоги — подарок комбата, которому в полевом госпитале, куда он его принес на спине, ампутировали ногу. Комбатовы сапоги, уже подбитые железными пластинками на носках и каблучках, он через два дня нашел. И, найдя, чуть не до смерти забил их нового владельца, ефрейтора из хозяйственного, пухлого пончика-хлебореза, и, как потом оказалось, напрасно, потому что хлеборез их купил «по-честному» у какого-то «жигана» из другого батальона. Тот успешно приторговывал всем, чем можно: шмотками, трофейными вещами — в запасном полку в основном кантовались ребята бывалые, фронтовики, попавшие сюда либо из госпиталей, либо из разбитых и расформированных частей, — консервами, самогоном, и даже, поговаривали, тот крученный шустрик с золотыми фиксами за хорошие деньги или добротные вещи мог устроить свидание с женщиной. У него, как рассказывали бывалые люди, уже имевшие с ним деликатное дело, в кармане рядом с красноармейской книжкой лежала целая колода фотокарточек, и можно было выбрать любую — помоложе, постарше, беленькую, смугленькую... У него для предоставления этого вида услуг и каморка где-то была, прямо на территории части. Одним словом, кому война, а кому мать родна.

Гаврилов, видя такое дело, начал проситься на фронт. Подал рапорт. Но вместо фронта его вызвали в санчасть, посмотрели в рот, смерили рост, загадочно постучали там, тут, что-то записали, полистали прежние записи и выдали направление — в офицерское училище. На фронте не хватало командиров взводов. Лейтенанты на войне жили недолго. Две-три хорошие атаки, и взводный либо убит, либо, если повезло, в госпитале. Это Гаврилов знал точно. Вот так он и оказался в Подольском пехотно-пулеметном училище.

Рота, в которую его зачислили, в то время находилась в летнем лагере «Лужки» под Серпуховом. В училище ему вначале понравилось: порядок, дисциплина, все расписано по минутам, безобразничать и неуставными

делами заниматься некогда, каждое воскресенье — баня, нигде ни вошки, ни блошки, пайки в столовой большие, каша наваристая, чай горячий и не пахнет луком. Однако и тут он вскоре начал маяться. Бесконечные часы учебы, учебы, учебы. Стрельба по фанерным «фашистам» и тыканье штыком набитого соломой мешка с пришитой и всегда валившейся набок «головой», пока по его приказу в манекен не вставили штaketину. И во всем этом должен был участвовать и он, старший сержант Гаврилов, повидавший эти манекены живыми... Но особенно не любил он книжную науку. Она давалась ему с таким трудом, что начинала болеть голова, порой казалось, что возвращается контузия. Он нервничал, ломал карандаши. Мучительно ждал конца очередного часа занятий, чтобы уйти в курилку и расстегнуть там крючок гимнастерки, насладиться папиросой и мечтой поскорее отделаться от всей этой манной каши...

Однако учиться теории управления взводом и ротой в стрелковом бою ему пришлось недолго. «Манная каша» окончилась совершенно неожиданно. Немцы стремительно продвигались в глубь страны, к Москве. Под Ельней и Ярцевом по линии реки Десны их остановили, но, как оказалось, ненадолго. Корпуса и армии группы «Центр» сделали перегруппировку, пополнились свежими, прибывшими из Германии и Франции дивизиями, усилились за счет корпусов, переброшенных сюда с северных участков фронта, с Валдайских высот и Ладоги, и 30 сентября всю свою накопленную силу обрушили на оборону наших армий, прикрывавших московское, орловское, брянское, калининское направления, сразу в нескольких местах прорвали фронт и начали стремительное продвижение на восток. Танковые и моторизованные колонны за один переход покрывали десятки километров по опустевшим шоссе и большакам, не встречая почти никакого сопротивления. Иногда взвод или рота красноармейцев вставляли на их пути. Бойцы, привстав из наспех отрытых окопчиков, делали несколько залпов из винтовок, одиночный пулемет выстреливал две-три ленты. И тогда, будто

изумленная неожиданным сопротивлением, колонна останавливалась, высылала вперед несколько танков и бронетранспортеров с пехотой. Минометы и орудия открывали бешеный огонь. После чего танки и автоматчики проходили по дымящимся воронкам, добивали уцелевших смельчаков, забрасывали гранатами последние окопы, которые все еще продолжали вести огонь, подбирали раненых, оглушенных и контуженых. Из них тут же формировали колонны, и те колонны, уже не похожие на войска, которые способны держать в руках оружие и сражаться, под присмотром немногочисленного конвоя гнали в тыл. Мотоциклетные батальоны и спецподразделения авангардов, стремительно прорываясь вперед, дерзко орудовали в ближнем тылу наших частей, захватывали мосты и армейские склады, предмостные укрепления и плотины, перекрестки важнейших дорог и магистралей, железнодорожные станции и стрелки, которые впопыхах не успевали взорвать отступавшие, наводили панику и удерживали объекты до прихода своих танков. Так началась гигантская по своим масштабам операция, получившая в немецких штабах кодовое название «Тайфун». К Москве одновременно вдоль нескольких магистралей по сходящимся направлениям двигались 2-я, 4-я и 9-я полевые армии, а также 2-я и 4-я танковые группы. Армейская группа, которую в это время возглавлял фельдмаршал Феодор фон Бок, располагала лучшими силами вермахта, СС и охранных подразделений.

По оси Варшавского шоссе, которое в немецких штабах рассматривалось как наикратчайший путь на Москву, двигались 57-й и 10-й танковые корпуса, а в качестве их авангарда — части дивизии СС «Дас Рейх» под командованием генерал-лейтенанта Пауля Хаусера. Именно эсэсовцы этой элитной дивизии, одетые в камуфляжную униформу, первыми ворвались в Юхнов и вышли к мосту через Угру. Именно «древесные лягушки» (прозвище, которое им дали простые солдаты-армейцы за особую униформу) наводили «новый» порядок в Юхнове. Они захватили аэродром. Подавили

последние очаги сопротивления группы комиссара Жабенко. А потом здесь же, в городе, устроили концлагерь для пленных красноармейцев.

Немецкие колонны двигались на Москву по шоссе и большакам. А параллельно им, по лесам и болотам, по разбитым проселкам и коровьими тропами шли другие колонны — отступающих дивизий и полков Красной армии. Шли части, остатки частей, потерявших свои фланги, командиров и связь со штабами. Шли отряды, остатки полков и батальонов, сбитых со своих позиций массированными танковыми атаками и налетами авиации. Шли, огрызаясь отчаянными контратаками, в которых теряли последние орудия, последние танки и лучших бойцов и командиров. Шли, гонимые вражьей силой и страхом. Шли, потерявшие веру в то, что железную немецкую машину можно остановить, застопорить движение ее громадного, хорошо отлаженного механизма.

Старший сержант Гаврилов сразу понял, что снова наступает его час. С курсантами он не церемонился, при малейшей оплошности называл «засранцами», «маменькиными сынками» и до седьмого пота гонял по полигону. Особенно усердно помкомвзвода нажимал на рытье окопов и на стрельбу по фанерным мишеням. Манная каша заканчивалась, он это чувствовал чутьем фронтовика, и теперь каждый новый день очередных занятий он встречал спокойно, понимая, что завтрашний, возможно, будет уже другим. Часами отрабатывал с курсантами приемы штыкового и рукопашного боя. После занятий второго взвода исколотые штыками и избитые прикладами соломенные манекены приходилось всегда основательно чинить. Строевые занятия Гаврилов откровенно не любил и не старался этого скрывать. Считал, что все эти «приставить ногу», «направо — бегом — марш», «налево — кругом» и прочее — пустая трата времени, тем более сейчас, когда немец всю рвется к Москве. Может, потому, что сам он был не особенно силен в строевом искусстве. К тому же побаливала раненая нога. Однако по привычке исполнять

требования воинского устава в полной мере он и на плацу не давал ни себе, ни курсантам никакой потачки.

— Ш-шир-ре шаг! Носок тянуть! Носок! А-раз-два! А-раз-два! За-певай!

И взвод, рубя четкий шаг, запевал строевую песню. Пели с удовольствием, потому что знали: после хорошего прохождения с песней помкомвзвода обязательно в качестве поощрения объявит десятиминутный перекур.

На полигоне же второй взвод 6-й роты изрыл, наверное, каждый сантиметр. Но курсанты на своего неутомимого помкомвзвода не обижались, знали, что старший сержант человек хоть и грубоватый на слово, но без дела не рявкнет, да и медаль, боевая награда, равную которой в училище имели немногие, внушала уважение. И каждый из них втайне мечтал в первых же боях заслужить точно такую же — из чистого серебра, с порядковым номером на обороте, который принадлежит только тебе одному, и надписью красными эмалевыми буквами: «За отвагу».

— Стреляй, сучата, лучше! Точней пали! — рычал он на свои отделения, мечась между изготовившимися к стрельбе «сучатами». — Иначе мишенями будете вы! Немецкая винтовка образца 1940 г., калибр 7,92, емкость магазина пять патронов, шестой в стволе, бьет прицельно на тысячу метров. А стрелки они хорошие! По живым мишеням стреляют с 39-го г.! Все понятно?

— Так точно! — хором отвечали курсанты.

Курсантом себя Гаврилов не считал. Не представлял себя и офицером. Ему вполне нравилось быть сержантом. Старый солдат, он чувствовал организм войны, внимательно слушал все сводки и разговоры офицеров и понимал, что научить этих ребят стрелять гораздо полезнее всего остального, всех этих премудростей тактики и стратегии, что, скорее всего, вся их учеба закончится недалеко от училища обыкновенной месиловкой на ближней дистанции. Такое он не раз наблюдал под Белостоком и Минском, когда в бой бросали последние резервы. В последние минуты сводили в роту или взвод

штабных, коноводов, поваров и тыловых служащих, раздавали винтовки тем, кто и стрелять-то не умел, и — вперед.

Командир второго взвода лейтенант Ботвинский¹ своим первым помощником был вполне доволен, закрывал глаза на некоторые неуставные вольности Гаврилова, считая их проблемой поправимой, и не раз намекал ротному о том, чтобы старшего сержанта зачислили в постоянный штат училища. Гаврилов об этом ничего не знал, но настроение лейтенанта чувствовал и старался вести себя так, чтобы как можно меньше соответствовать высоким морально-нравственным и уставным требованиям офицерского училища. Курсанты порою подшучивали над помкомвзвода, терпеливо сносили все его шутки и сержантские подвохи. Любили повторять его присловья и наставления вроде: «Передовая кухней не пахнет — дерьмом и порохом! Запомните это, засранцы!» или: «Не понял команды? А зачем тебе руки и ноги?»

К сержантам он относился по-товарищески. Хотя видел в них тех же курсантов. И с удовольствием наблюдал, как командиры отделений дублируют его команды, подгоняя людей и выравнивая таким образом строй или цепь.

Вот и сейчас курсанты затихли, прекратили возню и лишь иногда прыскали сдержанным смешком, как в школе на уроке старого учителя, которого в прошлом они знали строгим и непреклонным.

— Проверить наличие вверенного вам оружия и шанцевого инструмента! — снова рявкнул Гаврилов, чтобы забить последний гвоздь; что и говорить, умел, умел сказать помкомвзвода в нужный момент нужное

¹ Ботвинский Илья — лейтенант, в октябре 1941 г. командовал вторым взводом 6-й роты ППУ. Ранен в бою в районе р. Шани. Вышел из окружения на позиции обороны сводного курсантского полка в районе села Ильинского. За героизм и мужество, проявленные в октябрьских боях на подступах к Москве, награжден орденом Красной Звезды. Прошел всю войну, Победу встретил в Восточной Пруссии.

слово, и иной раз это у него получалось не хуже, чем у политрука Киселёва: — Денисенко!

— Здеся я, товарищ старший сержант! — тут же отозвался курсант, сидевший рядом с сержантом Смирновым.

— Здеся ты... — передразнил его Гаврилов. — Ну что ты будешь делать! Затвор-то на этот раз на месте? Не потерял?

— Так точно, товарищ старший сержант! — отчеканил курсант.

— Что «так точно»? «Так точно» — потерял? Или «так точно» — на месте?

— На месте. Винтовка-то новая, товарищ старший сержант. Ладно сидит затвор. И все снаряжение в полном порядке, — весело и пространно, под общий смех товарищей, доложил курсант Денисенко и так же весело добавил: — Разрешите продолжать службу?

— Продолжай. Пока спится. Да сильно не храпи.

— Да нет, я не сильно, я потихонечку.

— Эх, Денисенко!.. — усмехнулся Гаврилов, хотел что-то сказать, но передумал.

Гаврилов вспомнил курьезный случай, приключившийся с этим незадачливым курсантом. Всегда с ним что-нибудь приключалось несуразное... Когда взвод отработывал движение в цепи, из винтовки Денисенко каким-то образом выпал затвор. Старенькие учебные винтовки системы Мосина образца 1891—1930 гг., некогда добротнo сработанные на Тульском оружейном заводе, были уже порядком изношены. Не одно поколение курсантов, добросовестно овладевая ратным делом, холило и грело эту винтовку теплом своего тела, лежало с нею в обнимку на огневом рубеже, стояло в карауле в дождь и в снег. Ободранные, подбитые железной полосой приклады, потертые, замухрившиеся ремни, разболтанные и погнутые штыки. Но чтобы потерять затвор... Теряли патроны, пустые обоймы, теряли пуговицы с шинелей и гимнастерок. Но затвор... Это надо было все же умудриться. Спихватились, когда надо было возвращаться в казарму, на ужин. Уже закончили занятия. Стряхнули

шинели, обобрали с них колючки череды и репья. Счи-
стили пучками травы глину с сапог. Построились. «Про-
верить оружие!» Ничего особенного, обычная команда
перед тем, как строем и с песней отправиться в казарму,
а там на ужин. Но шеренга вдруг загудела, задвигалась.
Курсанты оглядывались по сторонам, перепуганными
глазами шарили по истоптанной земле вокруг. «В чем
дело?» — «Товарищ старший сержант, у меня... это... как
его... затвора нетути». Перед Гавриловым стоял высту-
пивший из строя вот этот самый, недошлый, одним
словом, — курсант Денисенко. Долговязый, нескладный.
Форму курсантскую носить так и не научился. Вечно
у него все висело, высовывалось, моталось. Стоял перед
строем, бледный, и тонкие его ноги, торчавшие из рас-
трубов сапог, дрожали. Некоторое время Гаврилов смо-
трел на разъявленный паз винтовки, на незатворенный
патронник, на подобранные и заведенные под ремень
полы шинели курсанта, отчего тот, и без того нелепый,
походил на какую-то более нелепую птицу, на широкие
раструбы его сапог, на дрожащие галифе, выше голенищ
небрежно изгвазданные сапожной ваксой. Он знал цену
этой дрожи в коленках. Ругаться, топтать ногами было
бессмысленно. Гаврилов развернул взвод в цепь и — впе-
ред, на карачках... Перерыли всю землю, обшарили все
окопы и траншеи. Нашли. Нашли-таки злополучный тот
затвор от винтовки курсанта Денисенко. На ужин опо-
здали. И ротному о происшествии пришлось доложить.
Но дальше старшего лейтенанта Мамчича дело не пошло.
Потому что, если бы пошло... Не миновать бы парню осо-
бого отдела, а там, глядишь, по законам-то военного вре-
мени... Училище уже переходило на сокращенные про-
граммы, готовя ускоренный выпуск командиров взводов,
которых так не хватало на передовой.

— Пусть уйдет на фронт офицером, — сказал Мам-
чич Ботвинскому и Гаврилову. — А там — как судьба по-
ложит. Наша задача — сделать из него среднего коман-
дира взвода.

Но вышло так, что на фронт 6-я рота отправилась не
в офицерских петлицах и новеньких портупелях через

плечо, о которых мечтали все с первого дня обучения, не впереди стрелковых взводов, а в составе их, рядовыми бойцами. И значительно раньше.

Разговор о женщинах даром не прошел. Молодое брало свое в этих сильных, здоровых людях.

— Эх, ребя, а вот у меня дивчина была! — вздохнул вдруг курсант из первого отделения. — О-о! Косу как расплетет, волосы распустит — и спины не видать. Грудя — во!

— Да это ты не про тетку ли свою рассказываешь, Ванюх? А, парень?

— Про какую еще тетку! Говорю вам, невеста была. Таня. Теперь за другого замуж пойдет, — курсант вздохнул, но большой печали в его вздохе не было. — А до войны Таня была моя...

— В каком смысле? Невеста, что ль?

— Ну да, вроде как она самая. Невеста.

— Так зачем же ты всем про свою невесту рассказываешь, трепло!

— А, теперь все едино. Теперь мне ее не жалко. Уже месяц писем не пишет. Брат сообщил, что к Тане моей гармонист Семка мелодию подобрал. А если так, то... Все ребята наши на фронт ушли, а Семка — белобилетник. У них в роду никто в армии не служил. Ему сейчас там лафа. Один на всю деревню. Таню выбрал.

— Гад он, твой гармонист, — сказал Алехин.

Денисенко тоже встрепенулся:

— Как же это так, Ванюх? Война же идет! Какая может быть гармонь? Что у вас за деревня такая? Несознательная какая-то.

— Деревня хорошая. Веселая, — мечтательно продолжал Ванюха. — Журавлихой называется. 67 дворов. Девки, главное дело, все гладкие, справные. Яблоками пахнут.

— Какими еще яблоками? Девка она и есть девка. Девкой и пахнет.

— Нет, — спокойно и уверенно возразил курсант, — наши, журавлихинские, яблоком пахнут. Точно говорю вам. Ребя, а что, живы будем, айда ко мне в Журавлиху! От Подольска недалеко. На поезде меньше суток.

— Девок твоих нюхать? Или гармонисту морду бить?
— Да ну его. В Журавлихе и без Таньки девок много. Невест себе выберете любых. Точно говорю вам.

— Девки, братцы, везде хорошие. Только теперь не про нас они...

А сержант Смирнов вдруг пропел фальшивым голосом:

*Гармонист, гармонист,
Положи меня под низ.
А я встану, погляжу,
Хорошо ли я лежу.*

— Пошел ты к черту, сержант, со своим похабством!
Некоторое время ехали молча. Слушали, как гудит мотор и гремят внизу колеса. Иногда грузовик притормаживал, что-то объезжал.

— Что там такое?

— Воронки. Вон, посмотрите, свеженькие.

— Обстрел? Или бомбежка?

— Какая разница.

— Большая. Если обстрел, то, значит, германы рядом.

— Может, и рядом. Скоро узнаем.

— Да, ребя, хорошо было до войны...

И Воронцова кольнуло это «до войны», произнесенное уже не раз за последние дни. Видать, прав был дед Евсей: германца скоро не одолеть. Вон он как прет. Фронт прорвал на всю глубину. Сколько ж у него танков и самолетов, если наши такой силой не смогли остановить его? Если на Десне его не удержали, то что против него мы? На какой-то речке, которую не только танки, но, может, и куры вброд переходят, как говорит дед Евсей, гузку не замочив. Правда, об этих предположениях лучше помалкивать. Командованию видней.

Курсанты уже и не пытались дремать. Постукивали подошвами сапог и прикладами новеньких «СВТ» по деревянному настилу кузова, ощупывали подсумки и штык-ножи в металлических ножнах на ремнях, поглаживали вещмешки, в которых лежало кое-какое

личное имущество: смена теплого белья, комплект запасных портянок, вафельное полотенце — все новенькое, выданное старшиною прямо со склада. Там же, на самом дне, лежали пакеты с сухим пайком. Так — продукты внизу — приказал уложить ранцы помкомвзвода Гаврилов. Теперь они поняли почему.

Полевой кухни у 6-й роты не было. Обещали прислать следом. Будет ли она, кухня? Будет ли горячая каша и кипяток для чая? А сухпай — вот он, в ранце, пощупать можно, погладить, понюхать.

Самозарядные винтовки им выдали совсем недавно. Привыкнуть к ним как следует еще не успели. А штык-нож — просто шик. Им можно было резать, при необходимости даже колоть, но главное, удобно вспарывать консервные банки сухпая. Новые винтовки требовали более аккуратного обращения. Когда в затворный механизм попадала земля, самозарядки частенько заклинивало. Так что обращения они требовали более нежного, чем старушки с четырехгранными штыками. Но из новеньких самозарядок взвод палил все же гуще, веселее, и пули скорее сметали мишени.

Неожиданно грузовик замедлил движение, водитель переключился на пониженную, а вскоре и вовсе притормозил и свернул на обочину. Машину встряхнуло раз-другой, похоже, на выбитых булыжниках, и она остановилась. Мотор заглох. Фары погасли. Мимо в кромешной тьме пробежал вестовой.

— Выходи строиться! — выкрикивал он, стуча по бортам черенком малой саперной лопаты.

— Ну вот и прибыли на войну.

— Наконец-то.

— А где война-то?

— А ну, давай, засранцы, пошустрей! Ничего не забывать!

Стали торопливо выпрыгивать наружу. Загремели сапогами по булыжной дороге. Кто-то неосторожно уронил винтовку.

— Оружие беречь! Разоспались, сучата!

— Ничего не видеть.

— Это ж что, братцы, и есть передовая? А где германы? Разбежались, что ли?

— Передовая, а не стреляют. Почему не стреляют?

— Погоди. Не стреляют... Настреляешься.

— Это так. Не спеши, коза, на клык, все волки твои будут.

— А говорят, немец ночью не воюет? Так ли, товарищ старший сержант?

— Прекратить разговоры!

Воронцов спрыгнул на дорогу, придержал на весу винтовку и подсумки с патронами. Ноги затекли и закоченели. Многим хотелось сразу же справить маленькую нужду. Но кустов нигде поблизости не наблюдалось. Да и команды на то не было. Значит, сразу куда-то погонят.

— Становись!

— Первый взвод!..

— Второй взвод!..

— Третий!..

— Проверить наличие оружия! Подсумки! Каски! Саперные лопаты!

Лейтенанты и сержанты наперебой подавали команды, строили своих людей, проводили переключку.

Воронцов занял привычное место в строю, посмотрел на левый фланг. Звезды сияли так ярко, что можно было разглядеть лицо третьего человека. Третьим в строю стоял пулеметчик Селиванов. А дальше, четвертым, должен был стоять второй номер — Краснов.

Возле бронемашины ходили Мамчич и начальник штаба передового отряда капитан Чельшев¹ с какими-то незнакомыми людьми в бушлатах и летных куртках. По их поведению и возгласам было件нятно, что курсантский отряд с орудиями они ждали давно. В темноте поблескивали то стволы короткоствольных трофейных автоматов, то длинные плоские рожки, то

¹ Чельшев Е. П. — в октябре 1941 г. капитан, начальник штаба сводного передового отряда подольских курсантов. Значится в наградном списке отличившихся в октябрьских боях на подступах к Москве.

белые повязки бинтов. Эти люди не были похожи на бойцов регулярных частей РККА, какие все лето шли и ехали по большаку к фронту мимо Подлесного. Однако именно они, непохожие на бойцов и командиров, дрались здесь и покуда еще удерживали фронт. Если фронт как таковой в районе шоссе существовал. И кто там среди них был командир, а кто простой боец, тоже понять было нельзя.

«Они что, раненых не отправляют в тыл?» — подумал Воронцов.

Это были авиадесантники из диверсионного отряда капитана Старчака, та самая группа Старчака, о которой во время короткой остановки в Малоарославце говорил «кожаный реглан».

Старчак¹ едва успел вывести своих людей из Юхнова. К группе десантников пристало подразделение охраны Юхновского аэродрома, а также несколько десятков бойцов комендатуры и различных служб гарнизона. Чуть позже присоединились остатки отряда полкового комиссара Жабенко. Несколько малочисленных групп и одиночки, отбившиеся во время схватки и отхода, все, кто уцелел после ближнего боя с «древесными лягушками».

А произошло здесь вот что.

4 октября 269-й батальон аэродромного обслуживания заканчивал эвакуацию материальной части аэродрома Емельяновка близ Юхнова. Одна из его групп неожиданно столкнулась с немецкой разведкой. «Дре-

¹ Старчак Иван Григорьевич — в октябре 1941 г. капитан РККА, начальник парашютно-десантной службы Западного фронта, затем начальник парашютно-десантной школы Западного фронта, которая дислоцировалась в районе Юхнова. Отличился в боях на р. Угре и в районе Воронков. После оставления позиций на р. Извери выведен в резерв Западного фронта. В ходе Битвы за Москву руководил диверсионной группой, которая активно действовала в тылу противника. Тяжело ранен. Войну закончил в звании майора. Автор книги «С неба в бой».

весные лягушки» вышли из сосняка, гуськом пробежали вдоль огородов и скрылись в зарослях ивняка. Все произошло так быстро, что бойцы некоторое время молча наблюдали за пробежкой немцев, а потом, когда за теми уже сомкнулись ветви кустарника, открыли беспорядочную стрельбу из винтовок. «Лягушки» ответили несколькими автоматными очередями, тоже наугад. Произошло это на юго-западной окраине Юхнова. К тому времени уже было известно, что под Рославлем немцы прорвали нашу оборону, что колонны их движутся по Варшавскому шоссе сюда, к Юхнову, но что они здесь появятся так скоро, было полной неожиданностью. В тот же день комиссар Жабенко сформировал отряд, расположил его у шоссе. Ждать пришлось недолго. Вскоре на дороге показалась колонна мотоциклистов. Бой длился больше двух часов. Немцы подвезли минометы и после интенсивного обстрела обошли оборонявшихся с флангов. К Угре из двух рот пробились не больше 30 человек. Многие были ранены. Мост через Угру в то время охраняли десантники. Они заминировали несколько опор и ждали приказа привести взрывное устройство в действие. По шоссе мимо деревушки к мосту все время подходили и подходили отступавшие, беженцы, группы бойцов и одиночки. Некоторые вели или несли на носилках, а то и на себе раненых товарищей, уже не чая добраться до своих. Подождали, когда перейдут на левый берег остатки отряда комиссара Жабенко, и взорвали мост. Таким образом бойцы, ушедшие из Юхнова, смогли влиться в другое сводное боевое подразделение. Так родился миф о «батальоне Старчака». В архивах Министерства обороны историка разыскали приказ по 23-й авиационной бомбардировочной дивизии от 25 сентября 1941 г., в котором говорится: «В соответствии с приказом войскам Западного фронта от 19 сентября 1941 г. при дивизии сформировать отдельный парашютно-десантный батальон. Батальону дислоцироваться в г. Юхнов при 1-м тяжелом авиаполку...»

Приказ по дивизии был, но батальона не было.

В последних числах сентября и в начале октября в Юхнов прибывали люди — кандидаты в батальон специального назначения. Принимались во вновь формируемое подразделение не все. Отбор был строгим. Батальон Старчака был сформирован на треть, когда немцы ворвались в Юхнов и напали на близлежащие аэродромы, склады с имуществом, горючим и боеприпасами. Не все удалось эвакуировать и уничтожить.

Старчак к тому времени успел сформировать отряд. Основу его составляли действительно авиадесантники, а точнее, бойцы диверсионных групп, в основном бывшие пограничники. Бывалые воины, за плечами которых сотни прыжков с парашютом, десятки рейдов в немецкий тыл, взорванные мосты, уничтоженные штабные машины, работа по сбору разведданных, корректировка авиационных налетов. Во время летних боев группы понесли большие потери. Некоторые из них погибли целиком. В Юхнове Старчак, согласно приказу от 25 сентября 1941 г., пытался спешно пополнить их, а также создать новые из только что прибывшего пополнения. Обучить азам диверсионной работы. На основательное обучение времени не оставалось. Спецподразделение развертывалось в батальон. Пополнение поступало самое пестрое. Из пограничных отрядов, отступавших от самой границы. Из числа сотрудников НКВД, имевших опыт диверсионной работы. Спортсмены, специалисты радиодела, саперы-подрывники, полковые и дивизионные разведчики, не раз переходившие линию фронта с различными заданиями. Прибыли две группы комсомольцев: одна из города Кольчугина, другую собрали прямо здесь, в Юхнове. Весь этот разношерстный состав по ускоренной программе обучался парашютному делу, стрельбе из различных видов оружия, в том числе из трофейного, рукопашному бою, действиям малыми группами и в одиночку.

И когда саперные подразделения дивизии «Дас Рейх» и приданный ему взвод из состава полка специального назначения «Бранденбург-800» смели с Варшавского шоссе стрелков сводного отряда комиссара Жабенко,

ворвались в оставленный войсками город и, уже не предполагая впереди никаких помех для успешного продвижения вперед, вышли к мосту через Угру, их встретил такой шквал огня, что они, потеряв немало убитыми и ранеными, вынуждены были отойти назад. В ближнем бою, когда невозможно применение ни пушек, ни минометов, когда уже нельзя атаковать под прикрытием танков и бронетранспортеров, когда противник находился на расстоянии верного pistolетного выстрела, отряд Старчака дрался не хуже вышколенных, готовых, если надо, идти напролом «древесных лягушек» и осторожных, но дерзких и хладнокровных «бранденбуржцев».

Потери несли обе стороны. За сутки почти непрерывного боя на Угре, а затем во время прорыва на новый рубеж, к Извери, отряд Старчака потерял убитыми и ранеными почти половину своего первоначального состава. Кольчугинских добровольцев и бойцов Юхновского истребительного отряда не успели экипировать, и они воевали в гражданском, в чем прибыли сюда из дому.

Оставшиеся в строю вздохнули с облегчением, когда ночью подошло подкрепление. В темноте колонна грузовиков, прибывших из Подольска, казалась огромной, нескончаемой, и хвост ее терялся в лесу, быть может, под самым Мятлевым. Ведь это подкрепление им прислала сюда сама Москва, и оно, так казалось десантникам, просто не может быть малочисленным, а значит, бессмысленным. И десантники, несмотря на усталость минувшего дня, сразу же кинулись помогать курсантам разгружать ящики с артиллерийскими зарядами, винтовочными патронами, ручными гранатами и различным снаряжением. Переносили к мосту и бродам противотанковые мины — деревянные контейнеры, наполненные тротилом. Фронтовики их прозвали «детскими гробиками». Если на этот «гробик» наезжал немецкий танк или бронетранспортер, его раскалывало пополам. Тяжелый грузовик разметывало по обочинам, и горе тому, кто находился в это время в кабине или кузове. Бе-

режно снимали с кузовов пулеметы, коробки с лентами и несли на позиции. Закатывали в березняк и маскировали орудия.

Прибывшее войско оказалось все же немногочисленным. Но с артиллерией и крупнокалиберными пулеметами, с большим боекомплектом и обеспеченным тылом это было уже войско, внушавшее хоть какую-то уверенность и надежду, что Москва не забыла о них и вот-вот сюда, на рубеж реки Извери, подойдут основные силы.

ПЛАН ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»

«Командование группы армий «Центр»

Оперативный отдел, № 1620/41

Секретный документ командования

Штаб группы армий

26.9.1941

15 экз., экз. № 2

Секретный документ командования!

Документ командующего

Передавать только через офицера!

Приказ по группе армий на наступление

После сурового ожидания группа армий переходит в наступление.

***4-я армия** с подчиненной ей 4-й танковой группой переходит в наступление, сосредоточив главные силы по обе стороны шоссе Рославль — Москва. Добившись прорыва, армия поворачивает крупными силами на автостраду Смоленск — Москва по обе стороны Вязьмы, прикрываясь с востока.*

***9-я армия** с подчиненной ей 3-й танковой группой прорывает позиции противника между автострадой и районом вокруг Белой и пробивается до ж. д. Вязьма — Ржев. Главный удар наносить пехотными частями и поддерживающими их моточастями в направлении Холм. Предполагается поворот на восток у верхнего*

течения Днепра в направлении автомагистрали у Вязьмы и западнее ее, прикрываясь с востока. Обеспечить наступление армии на северном фланге. Дорогу через Ет-кино на Белой предусмотреть для нашего подвоза.

На внутренних флангах 4-й и 9-й армий между районом Ельня и автомагистралью имитировать наступление, пока оно не будет предпринято позже, и по возможности сковать противника путем отдельных атак с ограниченными целями.

2-я армия прикрывает северный фланг 4-й армии. Она для этого прорывает позицию на Десне с основным ударом на своем северном фланге и наступает в направлении Сухиничи — Меицковск. Обеспечить армию от действия противника из гор. Брянск — Орджоникидзеград. Использовать возможность захватить город, особенно ж.-д. пути и переходы, не обращая внимания на линию разграничения со 2-й танковой группой.

2-я танковая группа — предположительно 2 дня до наступления армии — наступает через линию Орел — Брянск. Правый фланг примыкает к Свое и участку Оки, левый фланг наступает на позицию по Десне с юга и ликвидирует противника в дуге Десны, взаимодействуя со 2-й армией.

Разграничительные линии (...)

Группа армий «Юг» выдвигает свой северный фланг (6-я армия) на восток севернее Харькова. Группа армий «Север» прикрывает 16-й армии линию группы озер сев. Желанье — Ильмень.

Усиленный 2-й воздушный флот разбивает русскую авиацию перед фронтом группы армий «Центр» и всеми средствами поддерживает наступление армий и танковых групп.

Перед лицом этих задач бомбежки Москвы должны отойти на второй план и будут возобновлены только тогда, когда это разрешит наземная обстановка. Для того чтобы затруднить противнику подвоз снабжения и свежих сил, ж.-д. линии на восток от линии Брянск — Вязьма — Ржев постоянно подвергать налетам.

День и час наступления я укажу в соответствии с отданными мною 24,9 распоряжениями командующим армий и других соединений.

Подписал: фон Бок»

В ночь перед атакой, буквально за несколько часов до артподготовки и запуска авиационных двигателей, солдатам группы армий «Центр» зачитали обращение Гитлера.

«Солдаты Восточного фронта!

Глубоко озабоченный вопросами будущего и благополучия нашего народа, я еще 22 июня решил обратиться к вам с требованием предотвратить в последнюю минуту опаснейшую угрозу, нависшую тогда над нами. То было намерение, как нам стало известно, властителей Кремля уничтожить не только Германию, но и всю Европу.

Вы, мои боевые товарищи, уяснили за это время два следующих момента:

1) наш противник вооружился к готовившемуся им нападению буквально до зубов, перекрыв многократно даже самые серьезные опасения;

2) лишь Господь Бог уберег наш народ, да и народы европейского мира от того, что варварский враг не успел двинуть против нас свои десятки тысяч танков.

Погибла бы вся Европа. Ведь этот враг состоит в основном не из солдат, а из бестий.

Теперь же вы мои товарищи, собственными глазами увидели, что представляет собой «рай для рабочих и крестьян». В стране с огромной территорией и неисчерпаемыми богатствами, которая могла бы прокормить весь мир, царит такая бедность, которая нам, немцам, непонятна. Это явилось следствием почти 25-летнего еврейского господства, называемого большевизмом, который представляет собой в истинном своем смысле не что иное, как самую обычную форму капитализма.

Носители системы и в том и в другом случае — одни и те же: евреи, и только евреи.

Солдаты!

Когда 22 июня я обратился к вам с призывом ответить ужасную опасность, угрожающую нашей родине, вы выступили против самой мощной державы всех времен. Прошло немногим более трех месяцев, и вам, мои боевые товарищи, удалось благодаря вашему мужеству разгромить одну за другой танковые бригады противника, вывести из строя его многочисленные дивизии, взять в плен громадное число его солдат и захватить бескрайние просторы — и не пустынные, но именно те, за счет которых наш противник жил и восполнял потребности в сырье самого различного вида своей гигантской военной индустрии.

Через считанные недели все три важнейших промышленных района окажутся в наших руках!

Ваши имена, солдаты вермахта, как и имена наших доблестных союзников, названия ваших дивизий, полков, кораблей и авиаэскадрилий, войдут в мировую историю, связанную с величайшими победами всех времен.

Вот они, ваши деяния:

— более 2 400 000 пленных;

— свыше 17 500 танков и 21 600 орудий уничтожено или захвачено;

— 14 200 самолетов сбиты или уничтожены на земле.

Мир еще не видел ничего подобного!

Территория, которую на сегодняшний день завоевали немцы и союзные нам войска, в два раза превышает территорию нашего Рейха в границах 1933 г. и в четыре — территорию английской метрополии.

После 22 июня мощнейшие оборонительные системы противника прорваны, форсированы крупнейшие реки, взяты штурмом многочисленные населенные пункты, крепостные сооружения и укрепленные районы уничтожены или выжурены. С Крайнего Севера, где наши финские союзники вынуждены во второй раз

доказывать свое героичество, и до Крыма вы вторглись совместно со словацкими, венгерскими, итальянскими и румынскими дивизиями на территорию противника на глубину порядка 1000 километров. К вам присоединяются испанские, хорватские и бельгийские части, за ними последуют и другие.

Эта борьба — вероятно, впервые — станет борьбой всех наций Европы и будет рассматриваться как единая акция в целях спасения культурных ценностей всего континента.

За линией гигантского фронта вместе с тем ведется громадная работа.

Построено около 2000 мостов длиной более 12 метров каждый.

Возведено 405 железнодорожных мостов.

Введено в строй 25 500 километров железнодорожных линий, из которых свыше 15 000 километров переоборудованы на европейскую колею.

Ведутся строительно-восстановительные работы на тысячах километров дорог.

Огражденные территории взяты под гражданское управление. Жизнь на них ускоренно восстанавливается по вполне приемлемым законам. Уже готовы громадные склады с продовольствием, горючим и боеприпасами.

Впечатляющие успехи этой борьбы достигнуты не без потерь. Однако число жертв — учитывая всю тяжесть скорби отдельных товарищей и их семей — достигает не более одной пятой потерь Первой мировой войны.

То, что вам, мои боевые товарищи, пришлось перенести за истекшие три с половиной месяца совместно с доблестными солдатами наших союзников, при этом продемонстрировав величайшие достижения, мужество и героизм и преодолев всевозможные лишения и трудности, знает лишь тот, кто сам выполнял свой солдатский долг в прошлой войне.

За три с половиной месяца, солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего

и решающего удара еще до наступления зимы, удара, который должен разгромить его окончательно. Все подготовительные мероприятия, насколько это оказалось в человеческих силах, завершены. Планомерно, шаг за шагом сделано все необходимое, чтобы поставить противника в такое положение, когда мы сможем нанести ему последний удар.

Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года.

Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию. Ибо, разгромив противостоящего противника, мы лишим Англию последнего ее союзника на континенте. Вместе с тем мы устраним опасность не только для нашего Рейха, но и для всей Европы, опасность нашествия гуннов, как когда-то впоследствии монголов. Весь немецкий народ в предстоящие несколько недель будет близок к вам, как никогда прежде.

Свершения, достигнутые вами и нашими союзниками, обязывают нас всех к глубочайшей благодарности. В предстоящие последние тяжелые дни вместе с вами будет вся наша родина, которая, затаив дыхание, будет следить за вашими деяниями, благословляя на подвиги. С Божьей помощью вы добьетесь не только победы, но и создадите важнейшие предпосылки для установления мира!

Адольф Гитлер.

Фюрер и верховный главнокомандующий вермахта.

Ставка фюрера».

(Источник: №ARA. T312, R150, F7689745–12.)

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер накануне событий, о которых повествуется в этой книге, а именно 5 октября 1941 г., записал в своем «Военном дневнике»: «Сражение на фронте армий «Центр» при-

нимает все более классический характер... Танковая группа Гепнера, обходя с востока и запада большой болотистый район, наступает в направлении Вязьмы. Перед войсками правого фланга танковой группы Гепнера, за которым следует 57-й моторизованный корпус... противника больше нет...»

В эти же дни член Военного совета Московского военного округа РККА генерал-лейтенант К.Ф. Телегин записал: *«Главная наша надежда и опора в эти часы — подольские училища... Все это — цвет нашей армии, завтрашние командиры, комиссары, политруки, фронт в них крайне нуждается, ждет. Однако... они рядовыми бойцами с винтовками в руках...»*

Из книги немецкого генерала Ф.В. фон Меллентина «Танковые сражения 1939–1945»: *«Удар на Москву, сторонником которого был Гудериан и от которого мы в августе временно отказались, решив сначала захватить Украину, возможно, принес бы решающий успех, если бы его всегда рассматривали как главный удар, определяющий исход всей войны. Россия оказалась бы пораженной в самое сердце, ибо обстановка в 1941 г. значительно отличалась от той, которая была в 1812 г. Москва уже не являлась столицей по существу бесформенного государства, стоящего на низкой ступени развития, а представляла собой звено административной машины Сталина, важный промышленный район, а также — что имело, пожалуй, решающее значение — была центром всей железнодорожной системы европейской части России».*

Глава вторая

ПЕРВАЯ АТАКА

Еще не рассвело, когда они рассредоточились у деревни Воронки¹. Из грузовиков, припаркованных в недалеком березняке и тщательно замаскированных, принесли несколько ящиков, и старшина по списку раздал курсантам гранаты. Каждому досталось по две. Пулеметчики получили по несколько запасных дисков и коробок с лентами. Артиллеристы заняли позиции у шоссе. Старшему лейтенанту Носову было приказано одну из «сорокапяток» своей батарее выкатить на прямую наводку и тщательно замаскировать, чтобы орудие не только в бинокль, но и с двух шагов разглядеть было невозможно.

В расчете этой дежурной «сорокапятки» были трое друзей — Алексей Хозяинов², Константин Вертелин³

¹ Деревня на Варшавском шоссе. Расположена на берегу р. Изверь. Существует и поныне. На околице у самой дороги установлен памятник — 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3. На мемориальной доске надпись, свидетельствующая о боях, происходивших здесь в октябре 1941 г.

² Хозяинов Алексей — родился в 1923 г. в г. Подольске. 19 июня 1941 г. получил аттестат зрелости. Поступил в ПАУ, зачислен в 12-ю батарею. Был в числе добровольцев, из которых капитан Я.С. Роскиков сформировал артдивизион передового отряда. Участвовал в боях на р. Изверь и Угра, а также в районе Медьни и села Ильинского. Вышел из окружения. Доучивался в Курганском артиллерийском училище. В мае 1942 г. получил офицерское звание и направлен в 52-ю армию. 13 августа 1942 г. тяжело ранен. Умер в госпитале.

³ Вертелин Константин — родился в 1922 г. в Подольском уезде в д. Десна. Окончил школу № 2 им. М. Горького

и Михаил Сапожников¹. В июне они праздновали выпускные экзамены в школе, а через три дня пришли в подольский военкомат проситься на фронт. В военкомате им дали направление в Подольское артиллерийское училище. Расчет должен был двигаться вместе с пехотой, поддерживать ее огнем. Им выпала самая сложная задача. Одно дело вести огонь с закрытых позиций, по сути дела, из тыла, из-за спин стрелковых взводов, а другое — действовать непосредственно из окопов взводов боевого прикрытия.

Другие орудия дивизиона разместили в глубине. Подготовили запасные позиции. Артиллерийские взводы обеих батарей должны были продвигаться уступами, прикрывая огнем и пехоту, и соседние расчеты. Так же, уступами, используя промежуточные позиции, они должны были действовать и в случае отхода.

— Какие у них силы? — спросил Мамчич Старчака. — Кто перед нами?

в г. Подольске. В июне 1941 г. стал курсантом ПАУ, зачислен в 10-ю батарею. Воевал на р. Изверь в дивизионе капитана Я.С. Роскиова. 10 октября 1941 г. в бою на р. Шане был ранен в ногу. После излечения доучивался в артиллерийском училище в Бухаре. В 1942 г. получил звание младшего лейтенанта и направлен в 33-ю армию, которая действовала в районе Спас-Деменска. Во время сентябрьского наступления 1943 г. ранен. После госпиталя командовал огневым взводом 162-й гвардейской артбригады. В 1944 г. погиб смертью храбрых в Восточной Пруссии.

¹ Сапожников Михаил — родился в 1922 г. в д. Сертякино Подольского уезда. В июне 1941 г. зачислен в 10-ю батарею ПАУ. Был лучшим наводчиком батареи. В октябре 1941 г. воевал в передовом отряде. Вел огонь через р. Угру, подбил немецкий танк. Ранен в бою на р. Шане. После госпиталя доучивался по специальности в Бухаре. После выпуска в мае 1942 г. направлен на фронт. Воевал в 240-м отдельном истребительно-противотанковом дивизионе 102-й стрелковой дивизии. Попал в окружение под Харьковом. Вышел из окружения. Погиб в 1943 г. во время Донбасской наступательной операции в районе Горловки. До последней минуты своей жизни управлял огнем взвода «сорокапятки» 126-й стрелковой дивизии.

— Немцы, — неопределенно усмехнулся Старчак. — Те самые, которые турнули нас из Юхнова.

Мамчич выглянул из окопа, прислушался. За Изверью было тихо. Речка неширокая, но довольно глубокая. Танкам и бронетехнике мимо моста не пройти. Правее дороги и моста омуток, левее каменистый пережат. Слышно, как вода с тихим плеском гуляет по камням. Берега заросли ольхами и ивняком. Здесь траншея тянулась по гребню берега над самым обрывом. Прямо под обрывом — мост. Настил и дорога белели в темноте накатанными колеями, словно два Млечных Пути.

— Хорошо, что мост не взорвали. Если удастся продвинуться вперед, легче будет перебрасывать туда орудия.

— Мост заминирован, — отозвался из темноты Старчак. — Взорвать всегда успеем. У меня там пост. Двое надежных ребят. Если что, от моста и свай не останется.

— Леонтий Акимович, — шевельнулся рядом с Мамчичем капитан Россиков, — я вот что предлагаю: один взвод второй батареи надо оставить здесь. И обязательно выставить боевое охранение с той стороны деревни. На случай если попытаются обойти.

— Боевое охранение выставлено. Три группы с пулеметами, — Старчак устало опустил на дно окопа, закурил.

— Нужна разведка, — вдруг сказал Мамчич. — Без разведки я свою роту в бой не поведу. Где немцы, какие у них силы...

— Что, ротный, — усмехнулся Старчак, посвечивая со дна окопа угольком папиросы, — не уверен в своей молодежи? Ничего. Умели бы двигаться в цепи и не боялись бросать гранаты. Если атака пройдет хорошо, оставшиеся в живых сразу же почувствуют себя героями. Это как в любви — только начать, а там само пойдет.

— Ты меня, товарищ капитан, не агитируй. Я их должен был учить на полигоне, а не здесь. Все они — будущие командиры. И каждый из них знает, что командир, разрабатывающий операцию, прежде чем вести свое подразделение в бой, должен добыть исчерпывающие

сведения о противнике: кто перед ним, в какой силе, каким вооружением располагает, какие средства поддержки может использовать и так далее. А мы пока не располагаем никакими сведениями ни о местности, ни о противнике. Я не могу поставить задачу командирам взводов, а взводные, в свою очередь, не смогут согласовать действия своих отделений. Что нас ожидает там, за мостом? Не знаете. И я не знаю. Но должен знать.

— Эх, ротный, ротный, а ты думаешь, мне своих молодцов не жалко? Да каждый из них... Да это же специалисты высочайшей квалификации! А тут сунул под пули в открытом бою. Я ведь тоже не для этого их готовил. Любой из них, если бы он выполнял свое дело, а не бегал здесь с винтовкой, может сработать за роту, за полк! А я вынужден положить их в окопы и после каждой стычки слушать доклады о потерях...

— Я высылаю разведку, — твердо сказал Мамчич и позвал в темноту: — Лейтенанта Братова ко мне!

И тут же, от ячейки к ячейке, пронеслось:

— Товарища лейтенанта Братова — к командиру роты! Братова — в середину второго взвода!

— Лейтенанта Братова!..

— Братова!..

Через минуту послышались торопливые шаги. В траншею спрыгнул лейтенант Братов¹, полушепотом доложил. Мамчич оглянулся на Старчака. Тот кивнул:

— Давай-давай, ротный, ставь разведке задачу, — и закашлялся.

Мамчич тем временем ставил разведке задачу:

— Значит, так, Братов... Возьмите троих-четверых надежных курсантов из своего взвода, скрытно переправьтесь через реку, углубитесь на ту сторону и выясните, где они, в какой силе, есть ли танки, артиллерия

¹ Братов — лейтенант, командир взвода пешей разведки сводного передового отряда подольских курсантов. Погиб в рукопашной схватке во время прорыва из окружения западнее Мятлева после того, как курсанты и десантники оставили позиции на р. Извери.

и в каком они положении. С собою возьмите автоматы и побольше гранат. Но в бой не ввязываться. В самом крайнем случае. В самом крайнем, лейтенант. Через мост не ходить. Видите, как светло? Найдите брод. Через час-полтора вы должны вернуться. В любом случае в 6.00 мы начинаем атаку. Атакуем вдоль шоссе. Вон там, левее дороги, видите, перекат, камешки? Там и перейдете. А на мост — ни шагу... Что-то я не верю в их беспечность.

— Учти, лейтенант. — Старчак придержал разведчика за рукав. — Там, за речкой, ребята серьезные. Впереди какой-то спецотряд. За ним — ухари из дивизии СС. Ростом такие же обломы, как и вы. Так что осторожнее там... Постоянно думайте о том, что противник может быть хитрее вас, осведомленней и ждет именно там, куда вы направляетесь. Но эти мысли не должны вас угнетать и мешать действовать уверенно и дерзко.

— Понял, товарищ капитан.

— Давай, лейтенант. До встречи. Я своих ребят на мосту предупрежу, — и Старчак тут же позвал в темноту и отдал какое-то короткое распоряжение.

Разведчики ушли за Изверь. Тихо, как призраки, скользнули над бруствером, шурша полами шинелей по сырому песку, исчезли в ночи. Не щелкнул придавленный неосторожной ногой сучок, не плеснула вода, не обвалился вниз камень. Никто не нарушил ночной напряженной тишины над спящей Изверью и берегами, замершими до рассвета в смутном пыльном свете звезд.

— Да, ротный, ты прав. Разведка делу не помеха. Мои-то ребята вечером вернулись и доложили, что противник остановился километрах в двух-трех отсюда. Пехота. Где-то до роты. Подвезли полевую кухню, ужинали, мылись в ручье. Хотел бы я знать, что они приготовили нам на завтрак, — Старчак на минуту замолчал, прислушался. За Изверью по-прежнему стояла тишина. Только вдали, по всей вероятности за городом, слышались тяжкие удары — работала артиллерия. — А разведчики у тебя ребята шустрые. Если сейчас не нарвутся на

их боевое охранение или на «древесных лягушек», то, значит, все у них пошло как надо.

— Братов — лучший в батальоне разведчик. Пройдет.

Над лесом внезапным светом плеснула осветительная ракета, потащила по брустверам косые тени, заскользила искрящейся струйкой над молчаливыми прозрачными березами, над черными непроницаемыми шапками сосен и с треском и шипением истаяла, оставив едва заметный угольный след. Ее тут же сменила другая, третья.

Командиры замерли. Они-то знали, что это могло означать. Напряженно следили за полетом ракет и каждый из них думал, что вот сейчас... вот сейчас... Не успела рассыпаться третья, в черное звездно-пыльное небо взмыла четвертая ракета. Но ни выстрелов, ни взрывов гранат, ни криков не последовало. И все затихло опять. Будто ничего и не было. Никаких ракет. Успокоились.

— Что-то почувствовали? — Мамчич наклонился к Старчаку. — Как вы думаете?

— Вряд ли.

— Почему всполошились?

— Да так, ракетницу пробуют. Боевое охранение выставили. С вечера там никого не было. Так что твои орлы прошли благополучно.

— Надеюсь, что так.

Все, чему он, командир роты и другие офицеры и преподаватели учили их все эти месяцы, теперь, в это первое утро, которое по-настоящему-то еще и не наступило, курсанты, его курсанты, должны были самостоятельно испытать на практике. И ценою испытания может стать чья-то жизнь. Эта мысль не давала покоя, и она пока оставалась главной.

— Прошли. Прошли, ротный, твои ребята. Если бы были обнаружены, сейчас такой бы переполох поднялся! Они патронов не жалеют. — Старчак снова сел на дно окопа и закашлялся, уткнувшись лицом в пилотку. — Чертов кашель. Спим на земле... Бойцы тоже почти все простужены.

— Это плохо, — отозвался Мамчич.

— На войне все плохо. Но вот что странно: солдат на войне боится заболеть, если нет возможности залечь в санчасть, но постепенно перестает думать о том, что в любую минуту его могут убить. А за теплую портянку последний табак отдаст. Завтра, ротный, и твои закашляют. Половина роты в одних гимнастерках. Это что, новая форма одежды?

— Шинели в стирку отдали. Черт знает что...

— В прачечную? — усмехнулся Старчак.

— В прачечную, — морщась, ответил Мамчич. — Обещали завтра-послезавтра подвезти.

— Надо землянки оборудовать.

— Нам тут не зимовать.

— Нам тут воевать, ротный. А для разведчиков где шинели раздобыли? У артиллеристов?

— Нет. Для них по всей роте собирали все необходимое. Один взвод, слава богу, в шинелях. В наряде были и шинели сдать не успели.

— И то радость.

— Выходит, что да.

— На войне так часто бывает. Не сразу и сообразишь, кто ты и где ты. То ли идти трофеи собирать, то ли свои манатки и бежать, пока не прихватили.

— В пехоте так не воюют.

Старчак усмехнулся, сказал, пропуская мимо ушей последние слова командира роты курсантов:

— Ладно, в бой пойдут, трофейными шинелями обзаведутся.

Вот этого Мамчич не хотел допускать ни при каких обстоятельствах, он просто не представлял своих курсантов, которым все это время методично, стрательно, и, как ему казалось, небезуспешно прививал уважение и любовь к своему оружию и форме, одетыми в чужие шинели. И сказал:

— Свои должны подвезти из Подольска. Может, сегодня и подвезут. — Сказал и почувствовал, как кольнуло под верхнее ребро — кому-то из его курсантов выстиранные шинели уже никогда не понадобятся...

Ровно через час и 20 минут разведгруппа лейтенанта Братова вернулась. Тяжело перевалились через бруствер и какое-то время наперебой, с хрипами, натужно дышали.

— Ну? — Мамчич наклонился к лейтенанту, лежавшему навзничь на дне окопа. — Что там, Братов?

— Немца взяли... товарищ... старший лейтенант. Но слишком... слишком сильно подрали. Не дотасили. Помер дорогой. Вот его... его документы. Фельдфебель. Саперный батальон. 19-я танковая дивизия. Только почему-то без танков. Не видели мы танков. А немец сказал, что танки вчера ушли севернее, в обход болот, к Вязьме. Там у них какая-то крупная операция.

— Что ж, логично. Их разведка, конечно же, уже прошла вдоль шоссе, никого и ничего, похожего на оборону, не встретила. Авиаразведка эти данные подтвердила. И завтра они собираются выступить походной колонной в сторону Медыни.

— Выходит, что так, товарищ старший лейтенант. О нас — ни сном ни духом... Орудия стоят вдоль шоссе. С расчетами. Кухню с вечера подвезли. Еще два дивизиона в километре отсюда, в лесочке. Гаубицы, 105, не меньше. И до двух батальонов пехоты. Все рассредоточены вдоль шоссе. Похоже, утром готовятся выступить вперед. Боевое охранение недалеко отсюда, за мостом, возле самой дороги. Пулемет и несколько автоматчиков. Разговаривают, ракеты пускают. Да, еще... Фельдфебель сказал, что параллельно им идет какое-то спецподразделение. Или СС, или из абвера. Одеты иначе, в камуфляжную униформу и в наши, красноармейские, гимнастерки. Действуют небольшими группами, впереди основных колонн. Цель — захват мостов, переправ и других важных объектов и коммуникаций.

— «Древесные лягушки», — уточнил Старчак.

— Фельдфебель сказал, что утром они, те, в униформе, уйдут вперед. Они должны их пропустить.

— Где пойдут? По шоссе?

— Не знаю.

— Живым его надо было тащить сюда, вашего фельдфебеля.

— Брыкаться начал, вот его немного и приложили...

— Приложили... По виску прикладом? Так?

Лейтенант промолчал.

Докладывал лейтенант Братов своему ротному командиру, хотя докладывать должен был Старчаку. Сводной группой с момента прибытия передового отряда в Воронки и соединения с батальоном десантников командовал капитан Старчак. Таков был приказ, который Мамчич привез с собой и сразу же передал Старчаку. Но Старчак спокойно выслушал доклад разведчика и, только когда тот вытащил из-за пазухи документы, обернутые в непромокаемую бумагу, десантник жестом показал, чтобы пакет передали ему.

— 19-я танковая... — Старчак рассматривал документы. — Танки они могли замаскировать. Вы их просто не заметили. Боятся налетов нашей авиации. «Петляковы» хоть и редко, но все же налетают и бомбят шоссе и все, что на нем и поблизости. Ладно. Хорошо, что вернулись целыми и невредимыми. Вдвойне похвально, что не обнаружили себя. Хотя фельдфебеля могут хватиться. Объявляю вам, лейтенант Братов, и всей вашей группе благодарность. А танки... Что ж, танки действительно могли перебросить и севернее. Слышите, как там гудит? — и, повернувшись к Мамчичу и Россикову, сказал тем же ровным простуженным голосом: — Через 20 минут атакуем. Приготовиться. Передайте приказ во все взводы. Возможно, немцы попытаются перехватить инициативу и контратаковать при поддержке танков. Не верю я, что танков у них здесь нет. Россиков, а вы возьмите людей из роты и одним своим взводом продвигайтесь сразу за нами. Самых лучших наводчиков, лучшие расчеты — вперед, на прямую наводку.

— В дивизионе все стреляют хорошо, — отозвался Россиков.

— Самых надежных. Это, капитан, танки, а не макеты для учебных стрельб. И дайте понять всем расчетам, что, если промахнутся первым, то второй снаряд будет из танка. Но бояться их не надо.

6 октября в 6.00 курсанты и десантники скрытно переправились через Изверь сразу в нескольких местах, бесшумно сняли боевое охранение немцев и ворвались в расположение саперного батальона, накануне переправившегося через Угру и остановившегося на отдых на правом берегу реки.

Второй взвод курсантской роты двигался ровной цепью, соблюдая правильные интервалы. Сержанты держали равнение, время от времени одергивая зарывающихся и поторапливая отстающих. Командир взвода лейтенант Ботвинский шел немного впереди. В одной руке он держал на отлете новенький «ТТ» на ремешке, а в другой — гранату. Левый фланг вел помкомвзвода старший сержант Гаврилов.

— Ребята, не дрейфы! Наша берет!

Артиллеристы сделали залп — по три снаряда на каждое орудие. И сразу же зарядили бронебойными. В роще загорелись грузовики. И тут же взревел мотором танк, ответил слепым выстрелом из короткой пушки и, стряхивая с брони и гусениц молоденькие березки маскировки, начал выползать на шоссе. Но в следующее мгновение он был уже подбит бронебойным снарядом, задымил и начал сползать кормой в глубокий кювет. Еще две бронебойные болванки, ломая броню, врезались в его бок и башню. Артиллеристы будто не верили в свою удачу и в то, что стальное чудовище, о возможной встрече с которым думал каждый из них в эту ночь перед атакой, мертво. Они, они умертвили его! Только что они своротили ему хобот, и он не пошлет уже ни в них, ни в цепь атакующих взводов свой смертоносный снаряд. Они победили его! Уничтожили!

— Вперед! Вперед! — кричал Ботвинский, потрясая своим «ТТ», казавшимся в этой схватке никчемной игрушкой.

А там, впереди, на фоне пожара метались немецкие автоматчики.

Воронцов шел рядом со своим взводным. Он стрелял из винтовки и поглядывал на отделение. Слава богу, билась, трепыхалась в висках лихорадочная мысль,

слава богу, все еще живы. Все в строю. Никто не упал. Не остановился. Не отстал. Не струсил. Воронцов стрелял из своей винтовки впервые не по мишеням, а по противнику, которого он отчетливо видел. Вон они, немцы, перебегают, падают, вскакивают, снова спотыкаются. И все отделение палило так же, как и он, зло и азартно, не жалея патронов. Вон их фигуры. В них не просто попасть маленькой пулей. И даже точно прицеливаться в них не просто. Потому что они постоянно перемещаются, а порой исчезают и появляются в самых неожиданных местах, то дальше, то ближе.

Очереди немецких автоматов чаще и точнее начали стегать по земле и деревьям. Немцы еще не пришли в себя и не нащупали своим огнем атакующие цепи курсантов. Но это могло произойти через минуту-другую, если наступающие упустят инициативу.

Десантники атаковали левее. Слышался рев их глоток, сухой треск «ППШ» и лай трофейных автоматов. Потом там вдруг начали рваться мины. И снова послышались дружные крики атакующих десантников.

Впереди на фоне пожара мелькали черные фигурки в касках и распахнутых шинелях. Фигурки размахивали руками и стреляли из коротких автоматов, даже не вскидывая их, от бедра. В их, казалось бы, хаотичном движении уже угадывался некий порядок. Огонь их становился все интенсивнее. Они падали, перекатывались, укрывались за деревьями, пятились к лесу и стреляли короткими, уже прицельными очередями. Как будто стрельба наступающей цепи все еще не настигла их. Хотя там и тут уже лежали серые неподвижные бугорки, которые уже не стреляли.

— Взвод! — кричал Ботвинский, потрясая над головой пистолетом. — Огонь! Бей их, ребята! Они уже бегут! Бей гадов! За родину! За Москву!

— За Москву!

— Ра-а-а!.. А-а-а!..

Курсанты стреляли. Воронцов перезарядил магазин, вскинул винтовку и, почти не целясь, выстрелил по мелькавшим возле горящих грузовиков черным фи-

гуркам. Эти фигурки и были немцы. Немцы! Те самые, которые пришли сюда, на Изверь, к деревне Воронки, от самого Бреста, от Буга. Они пришли сюда из самой Германии, через Польшу и Францию. Они уже хозяйничают в его родном Подлесном. И неизвестно, что с матерью и сестрами. И живы ли отец и брат? Там, на северо-западе, все эти дни шли тяжелейшие бои, и, похоже, нашим там приходится туго. Воронцов сделал еще один выстрел и еще. Но все пули улетали куда попало, мимо цели, и его лихорадочная стрельба, как и стрельба всего его отделения, казалось, не причиняла противнику никакого вреда. Тогда он забежал немного вперед, чтобы не отстать, потом присел на колено и поймал в прорезь прицела черную каску, глубоко, до самых глаз, закрывавшую лицо врага. Враг тоже припал на колено и тоже начал целиться. Воронцову показалось, что немец выцеливает именно его. И через мгновение он понял, что опередил врага: каска, плотно сидевшая на голове немца, дернулась и стала сползать набок.

— Есть! — вскрикнул он и тут же почувствовал, как обожгло щеку, будто веткой стегануло. Видимо, немец тоже успел выстрелить и промахнулся лишь на какой-то сантиметр. Может, дрогнула рука. Может, пуля Воронцова помешала стрелку нажать на спуск мгновением позже, но более точно.

Есть, подумал он, перепрыгивая через кювет. Есть! Я завалил его. Я убил немца. Он теперь не убежит. Он теперь там... Лежит... Мой...

Первый и второй курсантские взводы, составлявшие левый фланг наступавшей цепи, уже охватывали полукольцом березняк, в котором метались немцы, не успевшие убежать, а возможно, попросту не хотевшие отступать перед внезапной атакой русских. Они все еще пытались организовать оборону и остановить противника, отбросить его. Ведь в прежних боях это всегда удавалось.

— Halt! Vorwarst!

— Feuer! — кричали они, будто самим этим криком можно было остановить лавину атакующих курсантов.

Когда взвод преодолевал траншею, прокопанную здесь давно, видимо, для отвода весенних вод, несколько курсантов, будто споткнувшись, с размаху залегли. Земля так и обняла их. Воронцов и сам, увидев спасительную щель, где человеческое тело могло вполне спасти себя от летящих пуль и осколков, подумал, что хорошо бы залечь в нее и хоть немного перевести дыхание, осмотреться, сообразить, куда бежать дальше и куда стрелять. И тут же услышал рев старшего сержанта Гаврилова. Помкомвзвода метался вдоль копани и толкал залегших прикладом своей «СВТ»:

— ...Вашу мать! Встать, засранцы! Вперед! Вперед! Не мешкать! Застрелю!

Курсанты, споткнувшиеся в траншее, один за другим стали подниматься и догонять цепь, уже ушедшую вперед. Один из них, вопя что-то бессвязное, обогнал своих товарищей. Он потрясал над головой своей винтовкой с примкнутым штыком и кричал, видимо, пытаясь подавить охвативший его страх:

— А-а-а!.. И-и-и!..

— Ра-а-а!.. — сотнею глоток ревели рота.

Возле самой дороги, шагах в ста впереди, немцы то-ропливо разворачивали оружие. Развели станины. Сделали доворот. Выстрел! Пушка, не закрепленная в грунте сошниками, дернулась, подпрыгнула. Снаряд пролетел над головами второго отделения и упал где-то позади цепи, где продвигались артиллеристы. Еще выстрел! Снаряд вспорол землю с недолетом. Пронеслись невидимые осколки. Боже, как они жутко шипят, подумал Воронцов и машинально присел, оглядываясь, куда бы спрятаться. Но никто не залег. Только пошли медленнее. Даже курсант, бежавший впереди, смешался с цепью. И тут Воронцов вдруг понял, что они взяли в прицел именно их отделение. Сейчас положат пару осколочных и развезят наши шинели по березкам... Надо было что-то делать. Залечь и окопаться, подождать, когда вся рота подойдет... Но это значит — упустить инициативу, отдать ее врагу. И тогда он понял, что надо делать, и мгновенно принял решение.

— Второе отделение! Слушай мою команду! Цель — орудие по фронту! Прицел 100! Три выстрела беглым, часто, первый залпом — пли!

Залп смел с дороги прислугу. Орудие больше не сделало ни одного выстрела.

Вскоре бой закончился. С дороги стрельба сместилась в лес и медленно затихала. Там, в песчаном карьере и в канаве лесного ручья, в его многочисленных ответвлениях, добивали засевших немцев, забрасывали их гранатами и кололи штыками. Группы окруженных были небольшими. Сдаваться они не хотели. На предложение сложить оружие и выйти с поднятыми руками отвечали матюгами по-русски и стрельбою из автоматов и пулеметов.

— Иван! Давай-давай! Иди! — кричали они и открывали бешеный огонь.

Подойти к ним было невозможно. Артиллеристы добивали их из орудий и захваченных минометов. Потом подползли курсанты из пехотных взводов и забросали и карьер, и протоки сухого ручья гранатами.

Впереди, немного левее Варшавского шоссе, показались крыши домов. Это было село Дерново. Уже рассвело, и было видно издали: над золотистым облаком старинных лип белела колокольня церкви с черным крестом. И странно было видеть, как над колокольней в каком-то безумном птичьем упоении летали стаи галок и голубей. Казалось, что природа не хотела признавать правил войны, она все еще сопротивлялась человеческим наклонностям к истреблению друг друга во что бы то ни стало, свершая свой привычный обряд, в котором было и то, чего сейчас не хватало и людям, — мир и покой.

Стрельба в оврагах затихла. Пахло дымом и гарью. На обочине и в кювете догорали грузовики. В них что-то лопалось, трещало, но уже вскоре эти звуки прекратились и от машин остались одни сизые остовы, от которых несло горелым металлом и резиной. В кузове одной из машин, на железных прогнувшихся полосах, как на огромной жаровне, лежало обгорелое тело в каске

и сапоге, сморщившемся и наполовину развалившемся. Толстый слоеный каблук с сизыми скобками железного подбора дымился. Тело казалось небольшим и походило на опаленного поросенка. Воронцов почему-то не мог представить, что всего несколько минут назад этот скукожившийся обрубок был живым человеком. Другой ноги у немца не было.

— Во, поджарили германа! — сказал курсант и шевельнул обгорелое тело штыком, поддев его за какие-то оклизлые, напитавшиеся черной кровью лохмотья.

Ему никто не ответил. Курсанты постояли еще немного, глядя на тлеющий каблук, на розовый осколок кости, на сизую каску; в ней, как в раскаленном горшке, что-то шипело и из-под козырька вытягивало на волю маслянисто-черный дымок. Они потоптались возле убитых немцев и разошлись.

Свою машину курсанты успели потушить. Один из снарядов, выпущенных немецкими артиллеристами, попал прямо в кабину грузовика первой батареи. Водитель и сидевший рядом с ним курсант были убиты наповал. Полуторка загорелась. Сперва занялась расщепленная фанера кабины, а через мгновение пламя перекинулось и на кузов, где лежали ящики со снарядами. Вспыхнул брезентовый тент. К пылающему грузовику кинулся старший политрук Иванов. Но его едва не сбили с ног бросившиеся врассыпную курсанты.

— Разбегайся! Сейчас рванет!

— Стой! Ребята! Там снаряды! Без снарядов нам крышка!

Курсанты тут же вернулись, сорвали с горящего грузовика брезент, начали шинелями сбивать пламя. Другие кинулись разгружать ящики. Боеприпасы были спасены.

Старчак дал команду прекратить преследование, собрать своих раненых и перегруппироваться для новой атаки.

Курсанты набили подсумки патронами, рассовали по карманам гранаты. Некоторые щеголяли трофейными автоматами. Разглядывали их, собираясь группами, откидывали металлические рамы прикладов, про-

веряли исправность короткими очередями по вершушкам берез.

Раненых собрали возле машин, перевязали и вскоре отправили в Подольск. Раненые стонали. Некоторые плакали. Из курсантов, из солдат, жизнь и существование которых, казалось, были не только подчинены, уставу и приказам командиров, но и защищены и тем и другими, они сразу сделались обыкновенными людьми, ребятами из соседнего отделения или взвода, друзьями, которым не повезло, которым было больно, которых жалели и старались хоть как-то утешить, потому что они умирали от потери крови, от глубоких проникающих ранений и болевого шока. Некоторые не приходили в сознание. Они уже не могли бороться за свою жизнь, и, быть может, души их уже трепетали перед исходом из молодых, но слишком сильно изувеченных тел, чтобы полететь на родину к милым холмам и улицам, к родне, к матери и отцу, к сестрам и братьям и всем, кто любил этого или того из них и сейчас где-то вдали молился за них. И многие, потерявшие в первом бою своих товарищей, вспоминали в ту минуту медынского старика с Георгиевскими крестами, благословлявшего их колонну и каждого из них. Вот почему так спешил старик, так торопливо и неистово клал кресты: каждому из них, каждому, каждому он хотел дать охранение. Каждому. Уж он-то, старый солдат, знал, куда они отправляются и какая участь ждет их.

— Товарищ старший лейтенант, этих двоих не довезем, — сказал водитель, указывая на курсанта и десантника, лежавших на плащ-палатках под березой.

Мамчич подошел к раненым. И парусина новеньких плащ-палаток, и рыжая трава вокруг были залиты кровью.

— Нет, ты мне всех вывези! Всех доставь в полном порядке! Всех спаси! Это приказ! Понял?

— Да как же их спасешь, если... — и водитель безнадежно махнул рукой.

— Ты это мне брось! Гони! Гони, братец, поскорее. Может, в Медыни врача найдете. Давай! — и Мамчич кинулся помогать курсантам грузить раненых.

Везде он успевал, повсюду слышался его громкий отрывистый голос, к которому они так привыкли в училище и который здесь, на передовой, казалось, мог спасти их от многих напастей и бед и даже от пули. Курсанты инстинктивно жались к нему, внимательно слушали каждое его слово, ловили каждый жест и с готовностью кидались исполнять любое его приказание. Теперь он хранил и охранял их. Но, и это тоже понимал каждый, ровно настолько, насколько это возможно в бою командиру хранить своих бойцов. Большого он сделать для них просто не мог. Это он, их ротный, так умело повел взводы в атаку и так правильно организовал окружение и последующее уничтожение немцев, засевших в ручье и карьере. Везде мелькали полы его длинной шинели. Воронцов заметил, как однажды Мамчич остановился, нагнулся, стал обирать колючки прицепившегося к шинельному сукну репья и вдруг увидел, что его всегда начищенные до зеркального блеска сапоги заляпаны грязью. Он тут же сорвал клоч травы и начал счищать с каблучков и подошв налипшую грязь и листву. Но, увидев, что за ним наблюдают курсанты, выругался, распрямился, пнул ногой узкую зеленую пулеметную коробку и приказал:

— Курсант Асанов! Отнесите патроны к машинам! Сдайте старшине!

— Есть сдать патроны старшине!

Темирдар Асанов¹, блеснув раскосыми глазами, подхватил коробку и побежал по шоссе. Любой из курсантов знал, что встреча со старшиной, тем более когда являешься к нему не с пустыми руками, обычно увенчивалась сухариком. В кармане пожилого старшины, этого ротного дядьки Павла, который, казалось, всю свою жизнь прожил в казарме, рядом с вечно голодными курсантами,

¹ Асанов Темирдар — курсант 6-й роты ППУ. Воевал в составе сводного передового отряда подольских курсантов на р. Извери. В числе немногих вышел к Ильинскому сектору обороны. Воевал под Ильинском на участке 8-й роты ППУ. Был ранен. Вывезен на санитарной машине в Малоярославец. После войны проживал в г. Гулистане.

долговязыми огольцами, только-только оторванными от маток-тятек, всегда лежала пара-другая сухарей. И хотя прятать в карманы шинелей недоеденную горбушку хлеба, украдкой унесенную из столовой, чтобы продлить удовольствие, он им запрещал, боясь, что мыши, учуяв хлебные крошки, посекут дорогое сукно, а значит, попортят государственное имущество, сам всегда ходил с гостинцем в кармане. И никто никогда не видел, чтобы свой сухарик старшина грыз сам. Его и представить-то было невозможно грызущим сухарь. А вот курсанту он вручал свой сухарь как награду. И со временем это действительно стало наградой, учрежденной старшиной 6-й роты и вполне почитаемой курсантами.

Вот и смело шустрого, как черный выюн, Теминдара Асанова — в обоз. Он знал, что старшина непременно поощрит рачительного курсанта, даже в бою пекущегося об увеличении и всяческом прибавлении хозяйства и имущества роты. Курсанты второго взвода с завистью смотрели ему вслед. Где-то там лежали их сидора с сухпаем. А сухарик бы сейчас желудку не повредил.

Во втором взводе потерь не было. Осколками гранаты задело курсанта Макуху да слегка контузило Алексея Родионова. У Воронцова на щеке сорвало кожу. Пуля прошла, как сказал бы подлесский плотник дядя Федор, впоцелуйку. Еще бы сантиметр-другой, и она поцеловала бы его как следует. Но, видать, судьба отложила встречу.

— Петров! — позвал взводный военфельдшера. — Перевяжи сержанта! Да поживее ты, черт тебя!..

Когда раненых отправили, ротный военфельдшер Петров сразу остался вроде как без дела. Убитые, сложенные в ряд на обочине дороги, в его помощи не нуждались. Своих убитых сюда же принесли и десантники.

— Что с ним? Царапина? Сейчас посмотрим, — и Петров еще раз окинул взглядом убитых и подошел к Воронцову.

— И побыстрее давай. Копаешься всегда...

— Ты что, Илья? — оглянулся Петров на Ботвинского и покачал головой.

Командир второго взвода лейтенант Ботвинский был возбужден и никак не мог прийти в себя после атаки, в которой его взвод, как ему казалось, особенно отличился. Ему хотелось куда-то бежать, отдавать новые приказания и стрелять из своего новенького «ТТ». Он даже не застегнул кобуру, словно пистолет вот-вот ему снова понадобится.

— Ну, что у тебя, Воронцов? Портрет попортило?

— Слегка.

Руки у Петрова были в присохшей крови и дрожали. Он не успел даже помыть их. Только курил папиросу за папиросой. Воронцов чувствовал его дрожь и понимал, что и сам дрожит, и что военфельдшер чувствует его дрожь.

— Раненых много, — сказал Петров. — Как понесли... Я думал, всех тут положат. Десантники тоже своих волокут... Все орут — скорей... Тяжелых много. Боюсь, не довезут их до Подольска. Далеко. Если только догадываются — в Медынь...

— Дали им, с-свопоч-чам. Д-дали, товарищ лейтенант... — Зубы у Воронцова стучали.

Все эти минуты после боя ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Внутри холодным смутным облаком залегло одиночество, которое мучило его и пугало. Друзья неожиданно куда-то все разбежались, и не с кем было облегчить душу. С военфельдшером Петровым он не был особенно знаком. Раза два обращался, когда однажды во время пробежки с полной выкладкой стер ногу. Второпях плохо намотал портянку, нога быстро вспотела, и он даже не заметил, как стер ее в кровь. Спыхватился, когда начало саднить от пота. Военфельдшер тогда помазал ему обе ноги какой-то мазью, выписал освобождение от строевых занятий на неделю, и вскоре все прошло. У них не было времени подружиться. Но сейчас это не имело значения.

— Как мы им д-дали...

— Они нам тоже. Бинтов вон сколько ушло...

— Протри и ладно, — и Воронцов оттолкнул дрожащую руку Петрова и подумал: а он-то чего дрожит? Да,